

Кассета 1, сторона А

- Расскажите о семье, где вы жили? Какие были отношения в семье? Как вас воспитывали?

Начну с того, что я родилась когда, мы жили... У нас была небольшая двухкомнатная квартира на Смольном переулке, у Смольного. Потом мама с папой разошлись, и мама через год вышла замуж за Низовцева Петра Леонтьевича. Ему дали квартиру на Тверской трех или четырехкомнатную, я щас уже не помню. И мы переехали на Тверскую. Дело в том, что когда они поженились, то я у мамы была я, а у Петра Леонтьевича был сын. У него жена умерла, когда ребенку было несколько месяцев. И он своего сына отправил в деревню к сестре. И, значит, когда у меня папа [отчим] с мамой сошлись, папа привез своего сына из деревни к нам. Ему было тогда два года. И когда его привезли, мне мама говорит. Я отчима, собственно говоря, никак не называла, понимаете, посторонний мужчина попал в дом, а когда привезли вот моего брата, сводного, а мама мне сказала, что для тебя он неродной отец, а для него - он родной отец, он маленький, он еще ничего не понимает, поэтому ты называй его, пожалуйста, папа. И вот я помню, как в первый раз было трудно назвать его папой. Только в первый раз было трудно назвать. Мне надо было бумагу и карандаши. Я зашла к нему в кабинет и стою и не могу сказать слово «папа». (смеется) Потом в конце-концов, все-таки набралась храбрости, сказала...

Вообще он исключительный был человек. Он мне виду не подал, дал мне карандаш и бумагу, и с тех пор уже пошло у меня легко. Причем отчим мой был исключительный человек. Он ко мне относился, как, пожалуй, родной отец бы не относился ко мне. Я помню, такой случай был, мне было уже лет десять, мы шли как-то по парку. И он встретил своего приятеля. Я шла рядом, а с другой стороны вот Леша, мой брат. Я его так братом и называю. Мой брат шел. И он [знакомый] спрашивает: «Это, значит, твой сын?» Он говорит, да. А это, хотел сказать, что дочь Анны Яковлевны, он меня так вот обнял за плечи, «А это – моя дочь». Даже не дал ему договорить, представляете?

Значит, вот с тех пор, когда Лешу привезли, я тут уже я четко помню. Отец мой был ответственный работник, он работал в обкоме тогда, он был заместителем Кирова, вот. А мать была председателем обкома союза хлопчато-бумажников. Вот. Теперь интересно, что в то время не было личных дач у ответственных работников. А были базы отдыха. Была база отдыха обкома, была база отдыха исполкома, вот, и мы все вместе на этих базах, дети ответственных работников, на этих базах жили. Поэтому я всех детей наших ответственных работников, всех хорошо знала, - я с ними дружила. И потом мы очень поддерживали связь после ареста родителей. Мы друг другу помогали, там и советом, и друг к другу приезжали. Такие были у нас очень хорошие отношения, дружные. А потом мы переехали на Карповку. Это был дом, ведомственный дом Ленсовета новый построили. Это было в 35-м примерно году. Да, еще до этого мы жили на площади Труда. Пошла я в школу на площади Труда. Школа была по Театральной площади пройти два дома и там переулочек был это здание старой гимназии. Его даже с площади и сейчас видно. Там стеклянная крыша в спортивном зале. Вот.

А как меня мама воспитывала? Во-первых, мама и папа целыми днями на работе, приезжали домой поздно, часов в одиннадцать. Я, значит с домработницей и, я старшая в семье и я чувствовала себя, собственно, ответственной за все, что творилось в доме. Но когда я пошла в школу, отвела мама меня первого сентября: знаешь что, Марксена, я тебя отведу в школу, ты, пожалуйста, запоминай дорогу, - провожать тебя в школу некому. Обрато ты пойдешь одна. Из школы ты будешь ходить одна. А это не рядом, вы представляете себе. Она меня свела в школу, обратно я шла одна, и с тех пор я в школу ходила всегда одна. Меня никогда никто не провожал в школу. Теперь, значит, там вот глупости говорят, понимаешь, что ответственные работники детей на машине возили, - ничего подобного. Я всю жизнь ходила пешком. Когда мы переехали на Карповку, в Петроградский район, то я ходила в школу на улицу Мира, это значит, перейти Карповку по площади Льва Толстого и по Кировскому проспекту до улицы Мира, и по улице Мира там третий дом. Школа была. Это было уже в четвертый класс я туда попала.

- Какие любимые книжки были? Какие герои?

- Книжки мама покупала мне. И я все детские книги, которые в то время выходили, я все читала. Она мне купила избранное всех классиков. У меня вот они до сих пор у меня там, на верхней полке, стоят. У меня все, начиная от Пушкина, и все это там. И Герцен, и Гоголь, и Чехов и ... Мама покупала. Вот, и потом все-все книжки, которые в то время выходили, я все детские читала – и Перельмана, я помню, и «Земля Санникова» это самое [любимое], мне очень понравилось в то время.

А читать я начала очень рано. У нас был стеллаж такой, знаешь, без стекол, просто во всю столовую был стеллаж. И было очень много книг всегда. И мне очень было интересно, делать-то нечего, дома сидишь. Я полезу, начинаю разбирать книги. Что мне нравится, что я, что-то мне непонятно, это я откладываю. И что интересно, я с чего начала читать, я стала читать Пушкина. «Повести Белкина». Меня это так увлекло. Тогда я в третьем классе была, а это сколько мне было лет? - десять лет было... Вот, я помню, сидя на полу, у этого стеллажа, я читаю там Пушкина. После чего я Пушкина до сих пор я многие стихи помню, у меня Пушкин – это была настольная книга, настольная, не просто настольная, уже потом, в более старших классах у меня Пушкин лежал всегда на кушетке, в моей комнате, вот этот однотомник. И я в любом месте открываю и читаю. Понимаешь, мне так нравились стихи Пушкина, я с таким удовольствием читала. И читала вообще много очень. Так что всю детскую литературу, которая выпускалась в то время, мама мне покупала, приносила, и я все эти книги сохранила.

А в школе я училась неважно. Я была крепкая троечница, потому что как-то у меня не было особого желания. Я рисовать любила. Рисовала я хорошо. А уроки я учить не любила (смеется). Вот. А потом, когда мы стали жить на Карповке, у нас была уже вторая домработница. Мама взяла, потому что трое детей. У мамы родился еще один сын. Трое детей, уже нашей кухарке было не справиться, и, значит, мама взяла еще домработницу, специально для детей. Но я все равно, я все равно была человек самостоятельный. Я всю жизнь была человек самостоятельный.

- откуда эти домработницы были?

- Домработница у нас была такая тетя Маша. Ее мама нашла. Она работала, а я маленькая, одна, меня же не с кем оставить, и мама стала искать домработницу. И был у нее среди ответственных работников был, забыла его фамилию чего-то, не буду врать..., был один знакомый. он говорит, знаете, у меня в деревне есть родственница, которая вот в город хочет. И, значит, он ее вызвал. Она приехала. Маша такая, из Вологодской области. Значит, она приехала, и она очень, она очень полюбила мою маму. И она для моей мамы готова была, и не знаю, вот стелиться буквально. Она для мамы, она с мамой считалась, - что там мама хочет, что там ей приготовить, что бы ей сделать... Она даже утром бегала в булочную специально за свежими булочками, чтоб маме к чаю там были свежие булочки, понимаешь. Эта тетя Маша, она вообще староверка была. И она очень хорошо разбиралась в травах, она была хорошая травянистка. И собственно, своим здоровьем мы ей обязаны. Она меня кормила, она меня вырастила. Она меня кормила, причем тетка моя возмущалась, говорит, что ребенка надо кормить, пока он не начал пукать (смеется). Я вообще была довольно полненькая, маленькая когда была. И своим здоровьем я ей обязана. Причем когда привезли вот Лешу из деревни, брата, брата моего. Причем так и воспитывали, - мне никто ничего не говорил, но я считала его своим братом. Я считала себя ответственной за него, понимаешь? Ну и вот. И знаешь, хотя он был мне не родной, я знала, что он мне не родной, все равно я к нему относилась как к родному брату. Вот так вот нас воспитали, понимаешь. И значит, когда его привезли из деревни, он был весь в коросте этот самое, у него как это называется, болезнь... Так она [Маша] ему делала травяные какие-то ванны. Я как щас помню, на кухне в корыте делала ему ванны, и она его вылечила. Представляешь себе? Вот такая была.

Но потом, в тридцать пятом году где-то... вдруг мы приезжаем с дачи и представляете.... Я говорю, а где тетя Маша? А тетя Маша, значит, ушла в другое место работать. - Пришла какая-то Груша к нам. А это, оказывается, в то время, Берия устроил. Он всех домработниц, работниц преданных хозяевам, приказал уволить. И поставил своих людей. Надежных, понимаешь. И значит, это, с тридцать пятого года у нас два года была вот эта самая Груша.

- А она откуда взялась?

- Груша? Я не знаю, откуда она взялась. Ее кто-то прислал, а она у нас работала. Вот. А тетю Машу... мама устроила знаете к кому? - К артисту Бабочкину домработницей, и она у него

работала домработницей, потом она уволилась, вышла замуж и уехала в деревню. Вот, а потом, уже после войны она ко мне приезжала. Да.

А Груша, она такая была, я с ней вообще практически не общалась. Понимаешь, такой очень неприветливый человек была, это, знаешь, специально была подставлена, чтоб следить. Вот.

- Расскажите про тетю Машу? Вы говорите, она была из староверов. А она говорила, она не скрывала то, что она верующая?

- Нет, не скрывала она. Нет, не скрывала. Мало того, у нее здесь были родственники. Я забыла, как их фамилия была, муж с женой. Ее ровесники примерно. И она на выходные дни к ним ходила в гости. Они тоже были староверы. Причем у нее здесь было довольно много родственников, староверов. Я даже уже после войны, я у одних даже была в гостях. Так вообще интересно, как у них разные полотенца, разные посуда... Тетя Маша, но это уже после войны она, ко мне приезжала. Потом ее даже приглашали отпевать вот покойников, там вот у староверов свои же обычаи. Нет, она не скрывала этого, у нее свои полотенца, своя посуда, она отдельно ела, вот. Как-то мы к этому относились совершенно спокойно, понимаешь. Это ну, никак не акцентировалось. Мы это знали, мы к этому относились совершенно спокойно.

- А как мама вам объясняла, почему она так живет?

- Никак не объясняла! Мы считали это ..., что так и должно быть. Что тут объяснять? Это так и должно быть, это жизнь. И чего тут объяснять? Я совершенно к этому спокойно как-то относилась. Я никогда, вы знаете против религии ничего, очевидно, так в семье меня воспитали. как относиться вот к религии, относиться к другим расам совершенно понимаешь... ну как должно, понимаешь. Я никогда... У меня, например, тетя вот после ареста родителей была верующая, а я сама, атеистка до сих пор. Я не могу себя заставить вот верить в бога. Понимаешь, вот это для меня совершенно чужое. Вот, а тетя была верующая. Она вот еще до войны она ходила в церковь, и на пасху ходила. Я утром рано вставала, а она всегда готовила пасху, куличи, и я ее ждала всегда с нетерпением, накрывала к ее приходу стол. Это же можно было разговеться только после церкви. Ну и вот, я накрывала стол, и мы с ней садились и ужинали. Это уже где-то ночью, понимаешь. И мне это очень нравилось, я делала это с удовольствием, и меня это несколько не удивляло, несколько. Я не знаю почему, но как-то совершенно относилась к этому спокойно. Например, вот у мамы были например две подруги-еврейки. Мне даже в голову не приходило думать, что они еврейки, а я вот русская, понимаешь. У меня после войны, а я работала в библиотеке, у меня была заведующая, еврейка, Рубина Любовь Захаровна, так я до сих пор ее вспоминаю с благодарностью. Она ко мне очень хорошо относилась... Она знала, что я без родителей, она ко мне относилась, как вот к родной дочери. Она для меня сделала столько доброго, что.. я вообще как-то вот всегда относилась, что для меня не существовало разницы, кто еврей, кто русский... Так нас воспитали, так меня воспитали в семье. Что там другой, что там грузин, кто там еврей, татарин или там еще кто-то, вот... Совершенно нормальные люди, такие же, как я. Я к этому совершенно спокойно относилась.

- Это было и мамино и папино воспитание?

- Да, и мамино, и папино... и отчима воспитание.

Мой родной отец... Он после развода с матерью... Почему они развелись? - Он сошелся с другой женщиной. И он уехал по партийной мобилизации работать в Новосибирскую область, он там работал первым секретарем в райкоме партии. Он там работал до 48 года, вобщем ну... потом расскажу. Ну и вот, он туда уехал и там работал. Причем он ко мне относился очень плохо. Маме он никак не помогал.. то есть, не то, что не помогал, а мама даже вообще не хотела его знать. Такие у них были отношения. И один раз я помню такой случай: мы сидели за завтраком, и Миля принесла перевод на сто рублей, как щас помню. Был где-то 34-35 год. От папы. Он, видишь ли прислал мне ко дню рождения деньги. Мама посмотрела и так спокойно говорит: «Миля, отнесите обратно на почту, пускай пошлют обратно». Понимаешь...

- А кто это – Миля?

- Миля – это вот нянька наша. Вообще-то тут у нас очень все сложно... У меня мама разошлась с родным отцом, но у отца была сестра. Вот, сестра и мать. И они очень любили мою маму. Когда они сошлись с отцом... Это было где-то... 20-й год... 19-й даже год, ... может, даже, раньше - короче в гражданскую войну. Мама работала, то есть, служила медсестрой в воинских частях здесь, под Ленинградом. И там она сошлась с отцом. И когда они приехали, у нее здесь же ничего

не было! Мама моя – полька. Она уроженка Варшавы. Но так как Варшава входила в состав России, когда она кончила там гимназию, ее послали преподавать в школу в Россию. И когда значит, Польша отделилась, она осталась в России. И тогда она пошла работать медсестрой в армию, она служила тогда в соединении этого самого Ворошилова. Она до последнего времени она была в очень хороших отношениях с Ворошиловым. Даже Ворошилов как-то раза два даже к нам приезжал. И тетя Маша страшно хвасталась, как она кормила Ворошилова.

Так, и они жили у бабушки, когда вот вернулись из армии, когда гражданская война кончилась. Бабушка ее приняла как родную дочь. И хотя мама разошлась с папой, она очень хорошо относилась и к бабушке, и к моей тете. А у тети своих детей не было, и тетя ко мне относилась, как к своей дочери. У мамы были тут вот перетрубаии, она уж замуж выходила... Меня тетя к себе брала. Как я заболею, меня тетя к себе брала. Меня вот, значит, полжизни я провела у тети, понимаешь... Я для нее была ее ребенок. Понимаешь, потом, когда бабушка заболела, мама очень материально помогала им. Тогда же трудно было – и фрукты, и лекарства им все было не достать. А у мамы была все-таки возможность, она все доставала. Я знаю. Бабушка сама родом... вернее не она, а ее муж родом с Костромской губернии. И там в Костромской губернии она жила у ее свекра, там был дом. Она часто туда ездила в эту деревню. И у нее там была крестница, вот эта Миля, деревенская... И когда в деревне стало голодно и плохо, когда это в 20-х годах, значит, и Миля приехала к ним. И у них работала домработницей. У моей бабушки. А потом, надо было нам домработницу, бабушка отдала нам Милю. А себе взяли они там другую тогда домработницу... А Миля перешла к нам. Собственно, это бабушкина крестница, Миля. И она у нас работала до ареста родителей. И даже после еще ареста.

- А вы с бабушкой много общались?

- С бабушкой – да. Я там часто бывала, меня так часто брали... Ну я говорю, что я половину времени в детстве у меня, я провела у бабушки. Бабушка меня учила вышивать, бабушка меня учила заниматься бисером... Дачу снимали, я с бабушкой на даче жила, потому что не с кем меня было, я еще когда одна была, маленькая. Интересно, когда бабушка заболела тяжело, она уже не говорила, у нее был паралич, и она уже не говорила. И мама меня повезла к бабушке как бы проститься. И мы приехали, я подошла к бабушке. Она лежала на кушетке, я к ней подошла. А она смотрит на меня и говорит: «Марксена!» Тетка, она всю жизнь не могла забыть, это вот как тебя любила моя мама. Уже парализованная, а я к ней подошла, а она меня узнала, представляет, и сказала: «Марксена!», они были поражены, представляешь себе. Поэтому и бабушка, и тетя ко мне очень хорошо относились, несмотря на то, что мама вот с отцом разошлась. А отец мой был вообще пустобрех, между нами говоря. Ну, не то, что пустобрех. Я, например, расскажу такой случай. Я как-то раз была у бабушки, он приехал сюда в командировку, приехал, значит, чтоб на меня посмотреть. Приехал к бабушке, и: «Ой, мамочка, здравствуй-здравствуй! Ты знаешь, я тебе такую шаль привез! Но она у меня в гостинице, я тебе потом привезу». Бабушка так до смерти этой шали и не видала. Понимаешь вот, мамочка-мамочка-мамочка, а все это конечно, пустое. Вот такой он был вообще-то человек.

- А бабушка была из какой семьи?

- Из купеческой. Она по-моему коренная, питерская. Боюсь соврать, но по-моему коренная, питерская. А дед мой, муж бабушки, он с ней разошелся где-то в 23-25 году. Нашел другую, молодую. Бабушка уже, слава богу в возрасте была... А дед мой был очень интересный человек. Он вот в Костромской губернии, его отец был кузнецом. Кузнец в деревне же это интеллигенция была. И он послал своего сына учиться в Питер... в Петербург, вот. Мой дед приехал в Петербург, он вообще был очень способный, очень талантливый человек. Короче говоря, в результате он работал в банке кем-то, клерком. Работал в банке. И значит, он женился на моей бабушке. И кроме того, как это называется, частный поверенный, что ли он работал, я знаю, что он был частным поверенным какой-то богатой домовладелицы, у которой было несколько домов. И он еще заведовал дополнительно получал деньги, поэтому материально они были обеспечены очень хорошо. У них была квартира пятикомнатная, и было трое детей – тетя, мой отец и еще старший сын был. Ну он был вообще очень интересный человек. Он был настолько веселый, общительный, он так великолепно рассказывал, даже я запомнила, вот маленькая была... Он так великолепно рассказывал еврейские анекдоты, был всегда душа общества, понимаешь. Вот такой вот был человек, мой дед.

- А как его звали? Как деда звали?

- Николай. А отчества я уже не помню. И потом с бабушкой он разошелся, ушел он к другой женщине. У меня есть справка где-то, я вот перебирала документы, справка о разводе даже сохранилась... Когда тетя умерла, я документы все собрала... Она с ним развелась официально. Уже когда это? Где-то в 25-м примерно году.

А у мамы у моей, значит, в Варшаве оставалась сестра старшая, Мария, и мать. Мать у нее, моя бабушка, была из богатой какой-то, очень богатой семьи. Но она против воли родителей вышла замуж за какого-то офицера, вот за Карпицкого. А он был человек, гуляка и пьяница был. И она вот родила двух детей от него, и он вскоре умер от белой горячки. А семья от нее отказалась. Вот, и она не получила никакого наследства, ничего... Я смутно помню, но мне мама рассказывала, что там был шикарный особняк, большой дом. И когда значит, мама после революции оказалась в России, сестра ее оставалась в Варшаве. Бабушка там очень тяжело заболела, у нее был рак. А как мама тогда могла помочь? Мама тогда... а в ходу тогда были серебряные рубли у нас, и мама собирала у всех родных и знакомых эти самые рубли и через посольство посылала в Варшаву деньги. Иначе никак было. А потом, когда Мария [сестра] ей написала, что, значит, совсем бабушке плохо, мама решила ее взять сюда. И, значит, бабушка моя приехала... А на границе, значит, мама, я не знаю, где это тогда было, я не знаю, в Бресте или где это граница была тогда... Ее значит привезли там, бабушку, и оставили там, а поезд дальше в Россию утром должен быть идти. Ее там, больную, там положили где-то. Мама приехала. И, значит, в темноте, пришла она, не призналась сразу, что она ее дочь. А бабушка говорит, - вот, привезли меня в Россию, а здесь говорят, что здесь всех старых и больных убивают. (смеется) Тогда мама сказала, что она ее дочь, и привезла бабушку, это мы еще жили в Смольном переулке. Впрочем, бабушку она привезла туда. Я не помню этого, а мне это рассказывала тетя Маша. Она за бабушкой ухаживала. Но бабушка была такая... Она домработниц иначе как «быдло» не называла. Впрочем, знаете, такая, такая была полька.

- А она по-русски говорила?

- По-русски говорила. По-русски в Варшаве говорили, это же в то время была Российская империя, по-русски говорили все. Ну и вот, причем она вредная была страшно. Тетя Маша мне рассказывала. Она под себя сходит, потом возьмет рукой и по простыни размазывает. Но она недолго прожила, она умерла вскоре. Ну, у нее был рак уже в тяжелой форме.

- Вы ее не помните?

- Я ее не помню, у меня фотография ее только одна есть, - мама у гроба стоит. Бабушка лежит в гробу и мама рядом у гроба стоит. А я ее не помню. Я, вернее, смутно помню... Я смутно помню эту квартиру, вот мы когда уехали отсюда, вот мне было года три, наверное... Или нет, больше, года четыре, наверное было. Но я смутно помню, это была двухкомнатная квартира. И я помню, что бабушка в большой комнате спала. Там стояла раньше кушетка, а потом сделали там бабушке постель. А я в маленькой комнате спала. И я помню, как у меня отец ходил по комнате, приходит с работы... Он подражал Ленину, он вообще картавил как Ленин, и он все подражал Ленину, ходил. За жилет заставит руки и по комнате все ходит туда-обратно, туда-обратно.

- А мамина сестра, что с ней было?

- Бабушка умерла по-моему в 25-м году, а в 28-м тетя Мария приезжала сюда. Мама ей достала разрешение, значит, вызов сделала ей, Ну, у мамы была тогда возможность... все это было очень сложно, но у мамы была возможность, были связи. И, значит, Мария приезжала сюда. Но она вообще такая женщина очень легкомысленная, у нее были любовники, она получила в наследство все. И родственники ее признали, и значит, она получила наследство. Потом, когда она уехала из Ленинграда, она последнее письмо прислала из Парижа. Нам. Впрочем, она путешествовала. По всему земному шару.

Кассета 1, сторона В

- Интересно, она привезла, я как щас помню, и говорит: «Марксеночка, я хочу тебе на память оставить...» Она мне оставила, кольцо с бриллиантами, и бусы, и оставила мне, у меня до сих пор эти бусы лежат - даже, покажу... я только на другую нитку надела, потому что они стали рваться

у меня... Бусы подарила. Это, говорит, Марксеночка, от меня на память. Потом что с ней стало, я не знаю.

- А кольцо вы потеряли?

- Кольцо у меня взяла подруга, попросила в театр. И сказала, что она его потеряла. Ну, я девчонка была, что я там, после ареста родителей... Я дала ей, щас бы я просто не дала бы, а тогда - дала, а она сказала, что она его потеряла. Ну, и неважно, вобщем.

- Скажите, в чем для вас отличалось воспитание мамы, отчима, бабушки? Разное, наверное, было?

- Да нет, не скажу, что разное. Я не попадала в другой мир. Нет, это было как-то все. Я не чувствовала разницы.

- Не было разницы?

- нет, тем более, что маму я очень редко просто видела. Я же страшно завидовала другим детям, у которых мамы не работали. Это я помню, я страшно завидовала. Мне так хотелось, чтоб мама была со мной дома! Я маму видела очень редко, потому что она приезжала поздно, я уже спала. Только если в выходные дни, там или еще что-то, - я очень скучала. И даже когда я приезжала к бабушке, я как-то может быть вроде отогревалась душой. Понимаешь, потому что это все-таки что-то близкое, родное... А так я, собственно, была ну что? Тетя Маша – очень хороший человек, но это, собственно, не то. Так что поэтому, - ничем. А тетя очень обо мне заботилась. Тетя, она сама врач была. И она лечила меня... То есть, как я заболела, так спихивали к тете. И тетя меня лечила.. Снимали мои родные, мне было наверное, года три, в Мартышкине дачу. И я там жила с бабушкой. И вечером поздно приехал с работы мой отец. Родной отец, значит, приехал. А я лежу с высокой температурой. Бабушка в панике, не знает, что делать, представляете себе. А бабушка моя плохо ходила, у нее ноги были больные. Ну и вот, и значит, отец пошел по Мартышкину искать врача. Вечером уже, поздно. И в один дом зашел, в другой, потом, значит, идет по улице какой-то мужчина. Он говорит: «Скажите, пожалуйста, вы не знаете, есть здесь где-нибудь врач?» Он говорит: «А что случилось?» «А у меня вот ребенок лежит с высокой температурой, и я не знаю что делать» «Пойдемте, я врач». Это оказался знаменитый педиатр Фурман такой был, вообще это личность была в то время. Так с тех пор меня тетя возила, он домой не ходил, тетя меня возила к Фурману лечиться. Мало того, я в детстве, это мне тетя рассказывала, перенесла какое-то тяжелое инфекционное заболевание, и у меня было осложнение на сердце. У меня вообще миокардит задней стенки левого желудочка. Вот, и я очень стала задыхаться. Я не могла, в детстве, я не могла бегать с детьми, играть там в шумные игры, бегать, двигаться, я очень задыхалась. Ну и вот, Фурман сказал тете: «Не делайте ребенка инвалидом. Ни за что ей не говорите, что у ней больное сердце. Пускай она считает, что это так и надо». И я действительно считала, что так и должно быть. Понимаешь, я ребенок, я... к этому как-то относилась ну совершенно спокойно. Что я не могу играть, а вот дети у меня, вот мои друзья были очень тактичные такие ребята. Они это понимали. И если какая-нибудь игра, там или пятнашки, или еще что-нибудь, меня ставили на такое место, где надо меньше двигаться, меньше бегать. Причем к этому относились все как-то спокойно, понимаешь, никогда никто не акцентировал, вот. И я очень благодарна и тете, и вот, родным и друзьям, что никогда никто не сказал, что у меня больное сердце. Потому что с возрастом это действительно как-то само немножко отошло. Про Фурмана я должна сказать, его в тридцать седьмом.. Нет, раньше, его арестовали. И сослали его в Медвежьегорск. Так родители вот, ленинградские, к нему ездили, паломничество было целое, к нему ездили на консультацию. Так дело дошло до того, что лагерное начальство в Медвежьегорске разрешило ему проводить консультации. Представляешь себе? Это мне уже рассказывала одна знакомая моя. Она ездила туда с дочкой со своей, это она мне сказала, Мы случайно с ней разговаривали, она и говорит, так я Фурмана знаю. Я к нему ездила в Медвежьегорск. Представляете?

- А как Фурмана звали?

- Я не помню. Не знаю, просто не знаю - я ребенком была. Потом, когда уже открылась Свердловская больница, тогда, мама.. она уже Фурману не доверяла, она лечила меня только в Свердловской больнице. И это было не самое лучшее, я скажу.

- Скажите, а как у вас праздники дома проходили?

- Праздники? Праздники обычно проходили... Праздники у нас обычно отмечались как... Ну, я расскажу вот один. Вообще всегда тетя Маша готовила... Вообще в ресторане заказывали всегда

заливного поросенка. Это я уже как щас помню. Приносили. Заливного поросенка, и потом тетя Маша там что-то еще готовила. Что, я не помню. Но заливной поросенок был всегда на праздники, я так любила заливного поросенка с хреном, это было самое. Ну, например, это был примерно 36-й год, наверное. Было первое мая. И, значит, я встала, а все уже сидели за столом, а я почему-то проспала. Я прихожу к столу, выхожу в столовую, значит, все сидят завтракают. Ну, я села позавтракала, потом эт самое...

- Все вместе всегда завтракали?

- Одновременно завтракали. Вот. Позавтракали, и папа вызвал машину, мы поехали ... Мы всегда на седьмое ноября и первое мая мы ездили на трибуну на Дворцовую площадь. Там были большие трибуны в это время, па-а... вызывал машину, машина с пропуском, которую пропускали, значит, на Дворцовую площадь. Приезжали, мы выходили на трибуну, которая рядом с главной трибуной, а отец, значит, на центральную трибуну. У меня есть даже фотография, там Киров, мой отчим, и тогда Вильгельм Пиу был в гостях у нас. Не у нас, вернее, а в Ленинграде был, значит, на трибуне, на этой, стоял. Ну и вот, и там проходил, значит, парад, демонстрация, и значит, интересно, там вот в подвальном помещении Зимнего Дворца, за трибуной, там были, значит, эт самое, столы. А в перерывах между парадом и демонстрациями туда заходили, там можно было поесть. Ну, там были там пряники, лимонад там, мороженое, что-то еще, - я не помню. Вот, мы туда заходили, это было бесплатное все, чтоб значит, вот придти поесть, вот. Потом после приезжали домой, после демонстрации, и сиделись все, обедали. Причем родители были всегда в праздники дома.

- А гости приходили?

- Когда гости были, - то меня выдворяли к тете. Гостей я не помню. Вот, единственное, что я помню, - такой случай был, когда мама уехала в отпуск или в командировку. А у меня мое день рожденья было. 12 октября. И, тогда мама мне дала, как щас помню, 50 рублей. Это тебе на день рожденья, купи что-нибудь, что ты хочешь. Я значит, подумала-подумала, а отчим мне говорит: «Марксеночка, ты не беспокойся, пригласи всех своих друзей.» И, значит, домработнице, тогда уже Груша была, он значит сказал домработнице, чтоб она приготовила я уже не помню, что там было на столе, а я пригласила половину класса своего. Причем представляешь себе, ведь в дом к ответственным работникам вообще не рекомендовалось приглашать посторонних, и когда мы жили на площади Труда, у меня была подруга, с которой я дружила, - рядом дворец Труда, а ее мама работала уборщицей в этом дворце Труда, и жили они в подвале во дворце Труда. Так я ее как-то пригласила к себе, а мама сказала: «Ты знаешь, Марксеночка, это нежелательно, чтобы она к нам приходила». Хорошо. Нежелательно? Так я сама приходила к ним в этот подвал и там проводила целые дни. Я не помню уже, как ее звали, эту девочку из подвального помещения, там окна значит у тротуара, - видно, как люди ходили по Красной улице, - ноги видны.

- А почему мама не хотела, чтобы она приходила?

- А вы знаете, вообще не рекомендовало вышестоящее начальство, ну энкавэдэшники там, не рекомендовали, чтобы в дом приходили посторонние. Не свои. Ответственные работники могут, а это вот эт самое вот, не приходили. А я-то взяла, пригласила половина класса своего. Причем даже он мне сам сказал, пригласи ребят сколько хочешь. Представляешь себе? Вот так он ко мне относился. Представляешь, вот он мне устроил вообще так чтоб неожиданно вот такой праздник, понимаешь? Мама мне дала 50 рублей, чтоб вот я там, а папа мне устроил целый стол, и значит, человек 12 у меня там было или 15 ребят. Мы по всей квартире бегали, играли в прятки там, игры какие-то устраивали, вобщем, шуму было много. А потом папа вызвал машину и всех развез по домам. Всех ребят там и прочее, всех развез по домам. В этом отношении он был вообще человек такой, вот. Он не особенно подчинялся всем этим самым законам, которые там требовали тогда эт самое от властей. Ну и вот...

- Скажите, а кто придумал вас назвать Марксеной?

- Это мой отец родной. Был тогда такой красноармейский университет учрежден в Петербурге, в Ленинграде. Вот, он был ректором этого института. И у нас значит, когда у меня родился мой младш... старший брат, он вскоре умер от воспаления легких, он принес в дом вот такого котенка беленького. И посадил его моему вот брату новорожденному, посадил в кровать. Бабушка страшно возмутилась, и потом его ругала, что ж он ребенку эт самое, котенка, и он взял котенка,

и назвал Крунтиком. Красноармейский университет. Этот Крунтик прожил у нас 18 лет, у бабушки. А меня он назвал Марксена. Такие он имена сочинял.

- А брата как Вашего зовут?

- Леонард. Это его мой отчим назвал Леонард, И причем я никогда... Брат-то не помнит, когда его привезли, что он мне не родной, а я никогда не говорила, что он не родной брат. Вот такие у нас были отношения. И когда арестовали родителей, он даже не знал, что я его не родная сестра. И я ему этого даже не говорила. Я к нему относилась, как к родному брату.

- А у вас были разные фамилии?

- Ну, детей же по отчеству не называют, я была на маминой фамилии, он был на папиной фамилии, тут ничего странного нету. Он – Низовцев, я – Карпицкая. И все, подумаешь, ничего странного тут не было, а потом он же маленький еще был. У меня родителей арестовали, ему 10 лет было, представляешь себе, 10-11 лет ему было. А потом еще у нас младший брат был, Володя. Он, ему тогда 6 было... Леша младше меня на три года, Володя, он младше меня на 6 лет был. Но у нас такие были отношения..., я вообще считала себя, чувствовала себя старшей, я отвечала за них, за их поведение, я заставляла брата садиться уроки делать, когда со школы он приходил. Он бывает после школы куда-то там уматывал, я его за шкуру, вобщем, расправлялась я с ним. Посвойски. Но никогда не говорила маме или отцу, например, что там про него... самое главное, я не чувствовала, что он мой не родной брат. я его воспринимала как своего родного брата, я не знаю, почему так, но так было, понимаешь.

- У вас дома были какие-то разговоры о политике

- О политике – нет. Вы знаете, отец с матерью приходили очень поздно. Я уже побольше была, когда я уже что, в шестом классе училась, и значит, другой раз садилась... Они ужинали, и я другой раз вместе с ними садилась. Нет, мама рассказывала отцу о своих делах, но я даже не прислушивалась к тому. Я помню только, что она несколько раз жаловалась на Угарова, что Угаров там что-то не так подписал, не так сделал, там еще что-то. Она вот отцу как-то рассказывала. Ну, она там о своих делах, о своей работе она с отцом делилась.

- А убийство Кирова обсуждалось в доме?

- Убийство Кирова. Значит, мы тогда жили на площади Труда, и мама была тогда дома, она готовилась к докладу. И вдруг телефонный звонок. Я в это время была в столовой, а кабинет у нас рядом со столовой. И, значит, это самое, звонок. Мама, с кем-то по телефону поговорила, выходит в столовую и говорит: «Он его убил», «Он его убил», - вот так вот. Я на нее смотрю, она говорит: «Марксеночка, Кирова убили в Смольном». А я вообще к Кирову относилась с большим уважением тогда. Потому что отец относился к Кирову с большим уважением. Потом, вот когда Кирова, уже вот увозили в Москву, вот значит он [гроб с телом] где-то в этом самом Таврическом дворце, кажется стоял, папа был в почетном карауле. У него даже повязка была, долго у меня эта повязка хранилась, траурная. И потом, я помню, они ехали, очевидно, в Таврический дворец утром, одеваются в прихожей, а я стою в дверях. У меня детская выходила в прихожую, стою в дверях. А мама и говорит: «Как это у него хватило совести, ведь он же все-таки приехал». Я уже потом поняла, что это был разговор о Сталине – «он все-таки приехал». Вот это я запомнила, понимаешь. Но мне тогда уж сколько, это я тогда маленькая была, но я и тогда помнила.

- И вы сразу поняли, о чем речь?

- Да, я поняла, я поняла о ком речь. Потому что, может быть, она как-то обмолвилась, я не помню, но я поняла, о ком речь. Но у нас не принято было об этом говорить. Вообще, никогда не обсуждалось, не говорилось ничего...

- Но все-таки вы много чего знали, если так поняли?

- Я понимала, но никогда об этом не говорили. Я вообще-то схватывала очень быстро, всякие реплики там родителей, потому что толкаешься рядом, знаешь, слышишь же много... но я молчала, про себя я делала выводы, но я всегда молчала, никогда и ничего, никаких вопросов не задавала. Например, я слыхала разговор. Как-то к папе приехал из Москвы какой-то товарищ. И сидели они в столовой, значит, на диване разговаривали. А я рядом, я на кушетке сидела и что-то там такое делала. Вот. И он рассказывал вот моему отчиму, он рассказывал как снаряжалась экспедиция Челюскина. Что, собственно, Челюскин был так снаряжен, что он должен был погибнуть. Он рассказывал подробно, как там, что там было сделано, что было не сделано, он папе рассказывал. Я слыхала разговор, и этот я разговор запомнила.

- А про аресты по кировскому делу вы знали?

- Про аресты я не слыхала. У нас об этом разговоров не было, я об этом не слыхала. А смерть Кирова, ой... у меня книги даже щас есть вот там две книги. Рассказы о Кирове, значит вот, тех, кто с ним общался, кто с ним работал. Такой сборник был выпущен, где-то он у меня лежит. И о Кирове вообще все хорошо отзывались. Да он умница был, он был вообще интересный человек очень. Он же многие решения принимал, посоветовавшись со специалистами, он сам, собственно, что не понимал, то он в это не лез никогда. Правда, я не знаю, как он влез вот в это... Я уже это только потом узнала, как разрушили храм Христа Спасителя. Но я не знаю, как он додумался до этого, - вынести такое предложение. Я до сих пор не понимаю. Потому что до сих пор я знала, что Киров вообще он в этом отношении он был очень аккуратный. Когда многие решения он принимал, прежде чем принять, он советовался всегда, если что-то он не понимал, особенно там в науке там, он всегда советовался со специалистами. А тут... ну что делать? - и на старуху бывает проруха.

Поэтому я многое я знала, многое я понимала, многое я слышала, но уже выводы я делала уже потом. Уже когда была более взрослая. Вот, а память все-таки детская, она цепкая, хорошая. Так что многое я слыхала... Например, когда это было? - примерно в 35-36 году, когда вот начались аресты, то Сталин из Москвы прислал... Многие это даже не знают этого... Несколько ответственных работников. На замену тем, которые вот арестованные. И приехали с ними дети, и они, значит, учились вместе со мной. А это школа была первая образцовая, и в ней учились все, то есть не только, учились все дети ответственных работников. Потому что вот мы жили на Карповке, а еще дом Ленсовета на Кронверкской, жили вот где Киров жил, где все ответственные работники жили. Потому что мы все учились в одной школе. И они рассказывали мне, они там [в Москве] в школе учились в одной школе с Василием Сталиным. Они рассказывали, какой он вообще хулиган и какой он вообще лоботряс.

- Какие у вас были любимые герои в детстве?

- Любимые герои?... Любимых героев у меня, может быть, не было. Я помню, единственное - меня потрясла, мне очень понравилась книжка, как щас помню, - «Земля Санникова». Я читала и она потрясла меня, и очень мне понравилась. Я с удовольствием ее читала. А героев у меня так особенно любимых, я не скажу, чтобы я кем-то увлекалась, у меня не было... особенно героев любимых.

- Ни таких реальных, ни литературных, да?

- Нет, ни реальных, ни литературных, не было, пожалуй.

- Вам разрешали дружить, не накладывали ограничения?

- Нет, не накладывали ограничения. Единственное, мама вот мне просто подсказала, что не надо приводить домой, я это приняла к сведению, я спорить не стала. Не надо и не надо, и все. Я не стала ни спорить, ни доказывать. Хорошо, не надо, я сама буду ходить. Вот и все. Я очень просто решила это, понимаешь?

- А вы знали о том, что другие дети живут не так хорошо?

- Да, я знала.

- А откуда вы знали?

- Вы знаете, в школе я дружила вообще с простыми детьми. У меня была одна подруга, у которой я часто бывала дома. Она жила рядом со школой, может быть потому я к ней часто заходила... Это простая рабочая семья. Отец у нее работал простой рабочий на заводе, а мать - домашняя хозяйка. Двое детей. Тогда же женщины до войны... до 37-го года практически не работали. Так вот к ней, когда у меня арестовали родителей, у меня, значит, были очень ограниченные средства, я приехала к ней, к ее маме. Приехала посоветоваться, как они живут, и сколько она тратит денег. Так что до этого у меня таких вопросов не возникало, но я видала как они живут... Потом я дружила очень в нашем доме, еще мы жили на площади Труда, в нашем доме жила семья милиционеров. Муж у нее милиционер, у нее было двое детей тоже. Они жили в коммунальной квартире. Выше нас этажом. И я к ним приходила очень часто. Вообще я как-то воспринимала это спокойно. Понимаете, я как-то никогда не сравнивала. Понимаете, я не знаю, почему, но я никогда не сравнивала. Я считала, что так должно быть. И все, понимаете, вот. Я никогда не сравнивала, что-то лучше, что-то хуже, но я вообще в простых семьях бывала, очень часто... Ну, меня интересовало не только кто там этот человек, а просто нравилась мне девочка, вот я с ней

дружила. А кто она, мне было неважно. И я с ней дружила. А среди детей ответственных работников у меня, собственно, таких подруг у меня не было, только вот на даче когда вот мы жили, на даче летом.

- А где была дача?

- А дача была... Вот последние три года мы жили под Лугой, это бывшее имение графа... князя Львова. И, значит, причем она так и называлась, - Львовка. Там вообще хорошее, большое имение, причем был фильм «Великий гражданин» до войны, и вот там съемки делали в этой самой, во Львове в этом. Вот, там был значит, беседка на горе, потом значит, большой барский дом, и потом вниз мраморная лестница, и пристань была. И там было много-много лодок. Мы, я, например, сама в тихий час, значит, я брала лодку, и ехала куда-нибудь в кусты, в камыши куда-нибудь заплывала и там сидела, читала. Причем это мне сколько тогда?.. Ну, лет 10-11 было. 12, может быть. Никто меня не ограничивал. И кроме того, там было 10 стандартных финских домов... Домиков, дач. Мы занимали, все-таки так как у нас большая семья, трое детей, значит, у нас домработница, у нас был вот такой дом... домик такой финский. Там три комнаты, и кухня, и там душ был, такой благоустроенный домик был. А у кого там один ребенок был, то они в самом барском занимали комнату. Причем, когда родителей арестовали, мой отец родной мне, как-то с упреком сказал, что «сколько обком тратил на содержание Львовки этой?», то есть, что мы жили значит, бесплатно. А я, когда разбирала документы, я нашла у мамы квитанцию, оплата за Львовку – 3000. Это в то время, представляете? Если зарплата была средняя 1000 рублей. Может, это разовая оплата была, может быть, не разовая, я не знаю. Но во всяком случае я сама нашла вот такую квитанцию. Знаешь, значит деньги платили. Сколько, я уже не знаю, сколько там это стоило. Но во всяком случае деньги платили. Там была общая столовая, у нас был свой столик. Питание, конечно, было там хорошее очень. Была у нас плита в домике. И привозили нам, там раз в неделю приезжал возчик к нам, на телеге, и нам скидывал вязанку дров. Когда надо было там подтопить, если холодно, - подтопить надо было. И там вот жили мы, все дети жили, дружили мы вместе, играли...

- А родители не приезжали?

- На выходные приезжали. Приезжали, но они как правило приезжали на машине. Не поездом же ехали, а на машине приезжали. Но не каждый выходной они приезжали. Потом они летом сами уезжали в отпуск на юг. А мы там жили.

- То есть, это был детский лагерь?

- Как лагерь, да. Как лагерь, только мы жили вот в отдельном домике, с домработницей. Ходили питаться в общую столовую. Вот такие были условия. Это везде, во всех этих базах отдыха так было. Причем, последний год мама нас, это вот 37-й год, почему я не знаю, мама нас не отправила во Львово. Львово, было великолепно - на берегу вот этого Черемнецкого озера, Черемнецкое озеро, великолепное, оно километр примерно в ширину и 18 примерно в длину. Так после войны моя подруга Кима, она, жила на Украине, так она приезжала сюда специально во все места наши, где мы жили. Так она говорит, что Львово все разрушено было во время войны и дом, и все, - ничего там не существует. Львово разрушили. Потом была база отдыха в Петергофе, вот тут же, в нижнем парке, была летняя дача царская, вот. Такой дворец небольшой. Так значит, полдворца занимал музей, а полдворца занимала база ВЦСПС. Мы зимой туда приезжали на каникулы там, на выходные дни туда приезжали. Так Кима тоже там была, даже фотографию сделала - все разрушено было. Там у нас тоже была комната постоянно, куда мы могли в любое время приехать, в этом в дворце. И питались тоже в общей столовой, за общим столом. Кормили нас, там стоило недешево, потому что я помню, со мной там дружил один мальчик, он в нашей компании был. У него был отец секретарь райкома. Так я помню, как-то его мать разговаривала с сестрой-хозяйкой, а я случайно подслушала разговор. Она говорит, я бы приезжала сюда с удовольствием каждый выходной день, но это очень дорого для меня. Значит, там довольно дорого все это стоило. Представляешь себе, жена первого секретаря райкома, она не могла себе позволить с двумя детьми приезжать каждый выходной день туда.

- Скажите, а арест для родителей был неожиданным?

- Я не скажу, что была неожиданность. Вот я начала говорить... мама, в 37-м, нас не отправила почему-то во Львово. Тогда же Сталин раскидывал всех, он очень не любил ленинградских всех партийных работников. Например, Смородина он послал первым секретарем сталинградского

райкома партии. А моего отца, значит, он отправил первым секретарем вологодского обкома партии. И мы должны были туда уехать. Мама даже заказала уже в мастерской ящики, и поэтому мама нас на дачу далеко не отправила. А отправила на дачу нас, там пансионат был такой же, в Сестрорецк. Там, значит, большая территория, большой парк огорожен, несколько деревянных старых дач, там построена новая столовая, куда вот мы ходили питаться. Ну и вот, мы туда приехали. Там, у нас была довольно большая компания ребят. Я помню была Троица. И значит, нам было интересно пойти в церковь к Троице, посмотреть, как народ встречает Троицу. Мы, значит, дети были любознательные. Ну и вот, и мы, компанией, человек 5 или 6, мы пошли, значит, к церкви, в Сестрорецке. Где это щас я не помню, находится. И вот, мы шли по дороге, значит, и у нас зашел разговор... кто-то сказал, - а вот такого-то арестовали, вот такого-то арестовали... Мы так все шли... Повальные аресты. И, значит, кто-то сказал, - а где гарантия, что завтра не арестуют моего отца...

Кассета 2, сторона А

Мы знали, что кругом всех арестовывали.

- И вы тоже знали об этом?

- Да, это я уже знала.

- А откуда вы узнали об этом? От родителей или от ребят?

- И от родителей, и от ребят. Я не помню, от кого конкретно. Но во всяком случае знали... Господи! Исчезает человек, исчезает и все. Понимаешь?. В школе же мы учились все вместе и вдруг кого-то недостает. Понимаешь? У него, значит, отец арестован. Его там забрали в детский дом там, или еще что-то. Ну и вот, мы и понимали, - весь год шли аресты.

- А вы это обсуждали с ребятами? За что арестовывали, почему?

- Мы с ребятами обсуждали... То есть, у нас у всех было единое мнение, что это какое-то недоразумение. Что не может быть... Да, был такой разговор, что не может быть - там у кого-то арестовали отца, - что не может быть, что он враг народа. Не может быть, мы в это не верили.

- А вы считали, что вообще враги есть, но вот этот человек – не враг?

- Нет! Нет... Я считала, что вообще врагов нету. То есть, я вообще считала, что нет! Ну кто-то там где-то, может быть, там и есть враги, ну я не знаю, но вот те люди, которые вот нас окружали, что они враги... это я не верила. Никак не верила, потому что я всех очень хорошо знала. Ну, например, Смородина великолепно знала, я его называла как? - дядя, дядя Боря. Понимаешь, он для меня был как свой человек. Мы их всех хорошо знали. Они к нам относились одинаково хорошо. То есть, если я приходила в гости, вот скажем, к Акацким, то ко мне тетя Лида относилась как к своей, вот: «Марксеночка, иди садись обедать»... Это были все свои, хорошие знакомые люди, которые не могут быть врагами. Причем я же всех ответственных работников в Питере, в Ленинграде, я знала. Не может этого быть. Причем, мы открыто это не высказывали, но вообще вот такое мнение у нас было общим, что это какое-то недоразумение. Что этого не может быть. Что это скоро кончится.

А тут значит получилось так: это было пятого июня. В ночь на пятое июня я легла спать. Ребенок, 13 лет девочке. Лежу, не могу уснуть. Вот после этого...

- 5 июня или июля?

- июня или июля... я уже запуталась. Неважно, потом посмотреть можно будет. Нет, наверное июля. Июля, конечно. Не могу уснуть. Я встала, вышла на веранду, села на веранде.. Как щас помню, там лежала книга Шекспира. Я стала читать Шекспира, читать не могу. Я вышла в сад... в парк, села на гамак, сижу, качаюсь на гамаке. Не могу, понимаешь, вот что-то меня подмывает. Я пошла, значит, гулять по парку. А ночь, ночь уже, и, значит, смотрю, был, как щас помню, этот сторож с колотушкой. Знаешь, такие деревянные колотушки были. Сторож, значит, кругом обходил. Ну и вот, потом где-то часов в пять мне в конце концов потянуло спать. Я легла, легла, а у меня на руке были часы, и я часы вообще снимала, клала на стул. У меня стул рядом с кроватью стоял. Клала на стул, рядом с кроватью. А тут, значит, я уже такая была, что я часы эти не сняла. И вдруг будит меня где-то в 7 часов, будит меня Миля: «Марксена, Марксена, где твои часы?» На руке у меня часы. Что случилось? У нас щас были с обыском. Но сказали, значит, было два или

три человека, приехали с обыском, им сказали, чтоб детей не беспокоить, пускай дети спят. Они произвели у нас на даче обыск. Так что уже все понятно было. Ну вот, я уже поняла. Я никому ничего... с Милей мы это не обсуждали, ничего, никаких разговоров на эту тему не было. Потом значит, а это было как раз...

- На даче с вами жила Миля?

- Да.

- А эта, та домработница, она в городе оставалась?

- А та – нет, ее в отпуск... Отпускали в отпуск. Она уезжала в отпуск к себе. Куда-то на родину. А в квартире у нас на лето оставалась знакомая одна портниха, мамина хорошая знакомая, которая нас всех обшивала. Она жила вообще-то в общежитии, и она на лето у нас жила. Мама не любила, чтоб квартира оставалась пустая. А это было накануне выходного дня. Родители должны были приехать к нам. А они приезжали на машине обычно, и машину оставляли за оградой там. И я, значит, иду по аллее парка, к воротам, чтоб встретить родителей, идет мне навстречу Позерн и как его там, - ответственный секретарь «Ленинградской правды», шас вспомню... Ну ладно, неважно. Идут мне навстречу. Они, значит, подходят ко мне, меня, с обеих сторон берут за плечи, поворачивают и ведут обратно. А это был главный... как его... ну, неважно, - он был прокурор Ленинградской области. Ну и вот, и ведут меня обратно. Ни слова ни они не сказали, ни я им. Но я поняла, что у меня родители арестованы, понимаете, - они молча меня, значит, повели обратно. Значит, довели там до столовой, и я, значит, тихонько пошла к себе домой. Потом, пошла я ужинать, пошли мы все на ужин, приезжает вдруг Люся, это мамина подруга. Приезжает Люся, и она говорит, что ночью арестовали отца, а он поехал на неделю или на две недели отдохнуть в Толмачево на базу отдыха... Значит, его арестовали ночью в Толмачево, а маму в 11 часов арестовали на работе. В 11 утра. А она [Люся] вот вечером к нам приехала. Ну и вот. Никто ничего не скажет. Какие могут быть разговоры?

И, значит, я не знаю, что делать! Потом прошел день, а я самое главное, я была такая... Я низачто никому не хотела показать, что я переживаю или что-то у меня случилось. Так я что учинила... Я устроила на следующий день детский спектакль. Организовала, значит. Строим мы сцену там, значит, ставили мы какую-то сказку. Ну, там импровизированную, значит. Там мы играли, мы сами смотрели, родители смотрели, короче говоря, игру ставили. Так родители другие говорили, что какая бесчувственная девчонка! У нее такое несчастье в семье, а она может еще играть. Представляешь себе? (смеется) А мне вот не хотелось показать, что я вот переживаю, хотя мне было всего 13 лет. Ну и вот, а там, значит, была жена этого, как же его фамилия, вот... господи, боже мой – не помню, ответственный секретарь «Ленинградской правды», - там жила его жена с дочерью Тамарой. А с этой Тамарой я дружила. И, значит, Тамара, ко мне пришла, приходила ко мне... Я уже, дети меня стали сторониться...

- Почему?

- А как же?.. У меня родители репрессированы... Как же, - они запачкаются! Ну, вообще-то дети там ничего, остальные все ничего. А самое главное, там была семья Кузнецовых. Это того Кузнецова, который был потом этот самый... Нашим представителем в Организации Объединенных Наций. Такой Кузнецов был. Ну и вот, и значит, у него дочка была. Она вообще с большими ногами была, но она чтобы мимо меня пройти, даже сад обходила, - чтобы со мной не встретиться. Но зато он [Кузнецов]и дожил, и потом был представителем, потому что он так себя повел с самого начала. Вообще, дочери он своей запретил общаться с детьми арестованных. Ну и вот, а Тамара эта ко мне пришла, значит: «Марксеночка, мама спрашивает, надо тебе чего-нибудь?» Я говорю, - нет, мне ничего не надо.

Прошло день или два, пришла комендант... базы и говорит, что мы должны уехать с дачи. А как? - денег у меня ни копейки, как ехать, я понятия не имею. Меня всюду в машине возили, представляете себе? Что делать, я не знаю... Приходит Тамара и говорит: «Марксеночка, мама спрашивает, тебе что-нибудь надо?» Я говорю, знаешь, - мне сказали, что надо уезжать с дачи, а я не знаю, как это сделать. Она пошла к матери, сказала маме, а мама говорит, пускай Марксена не беспокоится. Она позвонила мужу своему, он не был арестован еще. Позвонила мужу, он говорит - «я пришлю машину». А на следующий день, вот когда мы должны уехать, утром встаем, а у меня маленький, значит, мой брат вот, которому 6 лет было, плачет. Показывает, что у него болит. Мы сняли ему штанишки, а у него распухшие такие яички. Представляете? Что там было, я не знаю.

Ну и вот, приходит машина, и Тамара пришла... Я говорю, ты знаешь, я не знаю, что делать – с Володей плохо. Прибежала ее мать, посмотрела на Володю, - взяла Володю в охапку и взяла машину и привезла его в Свердловскую больницу, как своего племянника или сына, я этого не знаю. А мне сказала «Марксеночка, не беспокойся. Я его положила в хорошие руки, когда его вылечат, я тебе его привезу». Представляешь себе, вот такие люди тоже были. Как же его [отца Тамары] фамилия, господи боже мой? – не помню. Ну неважно.

- А маму Тамары как звали?

- Не помню. Тамару я помню, а ее я не помню.

- А она с вашей мамой дружила?

- Нет. Совершенно. Даже не знакомы по-моему были.

- А как вы понимаете, почему она стала вам помогать?

- А вот спросите, почему! Я не знаю, почему! Она, очевидно, тоже понимала, что это все я не знаю, я не знаю, почему. Но во всяком случае, потом пришла машина, мы сели на эту машину, погрузились, и приехали домой. А потом, когда Володя поправился, она действительно мне его привезла. Приехали мы в город. Значит, а у нас Мария Александровна, портниха, в квартире живет. Мы с Милей приехали, денег нету ни копейки, но накануне, значит еще до ареста мамино, привезли из распределителя... Мама заказала корзину с продуктами.

- А что это были за распределители?

- Это был закрытый распределитель такой, он находился... у Казанского собора... Вот здесь - если лицом к Казанскому собору, то дом, который с правой стороны от Казанского собора, там находился магазин, закрытый распределитель, куда пускали только по пропускам, и где можно было купить любые продукты. Причем я, значит, как-то один раз мама со мной там была. Вообще-то ездила домработница. И можно было там заказать - там было все...

Причем, когда привезли этот заказ... в корзине был счет, сколько там чего. И оставалось что-то там вроде пятьсот рублей. Порядочная сумма там оставалась. Но я конечно не пошла туда [в этот распределитель] получать эти оставшиеся деньги. Так что кое-какие продукты были, но надо было еще хлеб купить, надо было еще что-то. У у меня была копилка. Я разбила эту копилку, у меня там что-то около пятидесяти рублей было, в этой копилке. Значит, на хлеб хватило. А жить-то надо на что-то. Все-таки семья три человека! Мария Александровна нас, значит, бросить не может, с нами остается, и Миля. Пять человек! А денег нет. Я тогда, значит, попросила Милю пойти в комиссионный магазин. Я решила продать пианино. Попросила Милю пойти в комиссионный магазин, я-то ведь не могу продать, - у меня паспорта нету, чтоб на ее паспорт продать пианино. Она вызвала оценщиков, приехали оценщики... Сгрузили это пианино, понесли, значит, к выходу, значит, со двора. А у нас там стоял постовой милиционер. Спрашивает, из какой квартиры. Они говорят, из 73. Из 73 запрещено что-нибудь вывозить. Они привезли пианино обратно. А денег у меня нету. Что делать? А у нас, значит, в квартире у нас был обыск, и были опечатаны две комнаты, спальня была опечатана, и кабинет был опечатан. Вот, а три комнаты у нас - детская, моя и столовая были свободны. Ну и вот, а я знала, что у мамы там должны быть какие-то деньги. Ну, в спальне, в шкафу. А что делать? - как-то надо эти деньги получить. Открыть я сама я не могла... Хотя могла спокойно открыть, это я уже теперь понимаю... Тогда я послала Милю к Позерну. Он тогда еще не был арестован. К Позерну, но я попросила: Миля, только ты не с парадного входа иди, чтоб они там тебя никто не видел, а она дружила с домработницей Позера. Потому что у Позерна был внук, ровесник моему младшему брату. И они, вот две домработницы, вместе гуляли с детьми. Ну и вот, я говорю, походи, пожалуйста, к Позерну, только не ходи с парадного входа, иди с черного хода. Значит, утром, когда он завтракает, попроси, скажи, что я прошу, что нельзя ли открыть комнату, чтоб взять деньги, что у нас нет денег. Она, значит, пошла, и говорит, что вот Марксена просила... А я его знала, как дядю Борю, понимаешь. А она говорит - Марксена просила, что нельзя ли открыть комнату, чтоб получить там деньги. Вечером действительно он прислал какого-то военного, солдата какого-то. Тот вскрыл комнату, причем, значит, видно ему было сказано... За его спиной Миля там из спальни вынесла мамину обувь, мамины платья, папины костюм, белье и другие вещи... Он как будто ничего не видел. Потом, я там взяла шкатулку с деньгами, там было что-то такое больше трех тысяч денег. А он говорит, а посмотрите, может быть здесь еще что-нибудь есть. Там открыл ящичек, а в ящичке там шас по-моему обыск делали, у папы был именной пистолет, он лежал там. Представляешь

себе? И лежал конверт какой-то. А он говорит, это что такое? Открыли конверт, а там облигации золотого займа на сорок две тысячи. Представляешь себе? Он говорит, - возьмите. Посмотрите, может тут еще что-нибудь есть. Ну, мы посмотрели, но больше ничего подходящего не было. Ну и вот, вобщем, короче говоря, я оказалась при деньгах. Все деньги я держать боялась дома, потому что... Ну я ребенок, понимаешь... Вот, я деньги отдала тете. Причем, когда родителей арестовали, вот я приехала в Ленинград, мне тетя позвонила. Говорит: «Марксена, знаешь, что, ведь может быть... могут... как это называется... - могут описать все вещи. Так ты, пожалуйста, что можно, ценное, присылай Милю ко мне вечером. Поздно, когда никто не видит». И Миля, с маленьким чемоданом ездила каждый вечер к тете Але, свозила туда ценные вещи. Посуду, помню, мамин меховой жакет мы запихали, там еще что-то... Я уже не помню, у меня целый список тут есть всех вещей, которые я тогда тете отправила. И деньги я отдала. Оставила только себе на расходы. Деньги эти, облигации... Так у тети я их и не забирала. Потом так они у нее и остались. Я все отправила к тете. Вот и правильно сделала, потому что у меня там потом многое отобрали вообще-то.

А потом, значит, вдруг прошло, наверное, дней 10, вечером приезжает сотрудник НКВД, и говорит: «Завтра вас выселяют из квартиры. Соберите вещи, будьте готовы». В 10 часов будет машина. Мы с Милей и с Марией Александровной, ребят положили спать, всю ночь паковали вещи. Приехал этот энкавэдэшник, с машиной, трехтонкой и на легковой машине, зашел, и... - «А это что такое? Вам разрешено взять только ваши личные вещи, шкаф, стол, четыре стула, кастрюлю, чайник, четыре тарелки, вобщем только то, что на четверых положено и личные вещи. А это все выкинуть». Вобщем, короче говоря, я ничего взять не смогла. Взяла только то, что можно. Значит, погрузили это все на машину...

- А куда повезли?

- А я не спрашивала, куда ехать! Поехали мы на улицу Марата. Там раньше была аптека в этом доме. Этот дом я хорошо помню, там была аптека. Щас я ехала по улице Марата, я не видала там аптеки. Он вышел из машины, поднялся, а там никого в квартире нет. Коммунальная квартира... Нас вселяли в коммунальную квартиру. Все на работе, никого нет. Он говорит, там никого нету, поехали по другому адресу. Приехали на улицу Социалистическую. Я там двадцать лет прожила на Социалистической. Приехали на Социалистическую, значит, он поднялся в квартиру, а там тоже никого нет, оказалось. Трехкомнатная квартира. Нас вселяли в одну пятнадцатиметровую комнату, там женщину тоже арестовали. И там еще две комнаты, а там люди на работе. Он взял, сгрузил все вещи во дворе, уехал и нас оставил. Отдал только управдому, тогда в каждом доме был управдом, отдал управдому наш ордер на вселение, что органы НКВД вселяют таких-то по такому-то адресу детей Низовцева: Марксену, Леонарда - Лешу, написано было - Алексея... он не знал, он не Леонарда написал, а Алексея и Владимира. И потом управдом на обратной стороне поставил штамп о прописке, и это был единственный документ, который у меня был. Потому что остальные документы я даже не подумала взять, у мамы были в шкатулке там в спальне лежали... Но я тогда не подумала об этом. Ребенок, господи, я даже не подумала, что надо там свидетельство о рождении, там аттестаты, свидетельство об окончании 6-го класса .. - у меня ничего не было.

Передал управдому и уехал. Мы значит, стали потихоньку, по черному ходу мелкие вещи таскать. Был там один жилец, он работал на заводе в дневную смену, он где-то в четыре часа приехал, но нас в квартиру не пускает. Я, значит, пошла к управдому. Управдом предъявил ему этот ордер на вселение, он вынужден был нас пустить. Как уже мы затащили эти вещи, кто нам помогал, я не помню. Эта грязная, запущенная комната. Там раньше жила какая-то женщина, которую арестовали. 15 метров, деревянные, дощатые полы. Клоповник жуткий. Там потом когда мы делали ремонт, там обои еще дореволюционного времени.

Прежде всего надо хоть вымыть пол, поставить кровати, приготовить к ночлегу там. Потом мы ели ходили, у нас одна единственная кастрюля была, такая, четырехлитровая. Вот, я пошла на кухню, сварила макароны, как щас помню, поели мы эти вареные макароны... и постелили кровати... У нас было две полуторные кровати и одна такая... Ну, железная койка. Миля спала на этой железной койке, я, значит, на одной полуторной кровати, а ребята вдвоем на второй полуторной кровати. Постелили, значит, кровати, легли спать. Это я на всю жизнь запомнила... Лето - открыто окошко, и со двора... У кого-то праздник. Там поют, смех... Музыка играет. А я...

Я лежала, и я горько в подушку плакала. Когда никто не видел. Ну так мне было горько... Кто-то веселился, а я вот..., меня привезли сюда, в эту грязную комнату поселили... кошмарное было состояние.

Ну и вот, наступает первое сентября. Надо идти в школу. А у меня документов никаких нету. Значит, в школу надо справку с места жительства. Я пошла, значит, к этому управдому, чтобы он мне дал справку с места жительства. Мне и Леше. Значит, Леше он дал, что Низовцев Алексей проживает по такому-то, а мне он дал справку Низовцева Марксена. Я в школе стала Низовцева.

- А вы к этому равнодушно отнеслись? Или вам даже понравилось?

- А я не... Нет, не то, что мне не понравилось... Нет, не понравилось. А что было делать? Я просто смирилась. Я как-то к этому совершенно спокойно отнеслась, - ну а что делать. Что я могла сделать? Могла там высказать недовольство, еще что-то, но это бесполезно. Ну и вот. Но самое интересное не в этом. Эта школа как раз напротив нашего дома, это триста... как она, какая-то школа, я щас не помню, но вообще одна из лучших школ в городе, на Социалистической. И пришла я первого сентября в школу, проходит линейка, выступает директор и называет фамилии. Значит, такие-то, такие-то, в связи с тем-то школа переполнена, такие-то ученики, в том числе, значит, я, переводятся в школу на Разъезжую. Вот, где там на Разъезжей школа, где-то не доходя до Правды, в каком-то жилом доме была школа. Это жилой дом, совершенно не приспособленный для школы, а со мной рядом стоит девочка Юля такая. Она говорит: «А меня тоже переводят в другую школу. Ну пойдем вместе». Мы, значит, с ней пошли в эту школу.

- А брат остался на Социалистической?

- А брат остался там. Пришли мы в эту школу, это в седьмой класс я уже пошла. Пришли мы в эту школу, а нас класс встретил очень недружелюбно. Первый урок был такой, который не проходят почти что в шестом классе, ботаника или что-то... естествознание...

И, как раз, первый урок – естествознание, и преподавательница вызывает меня ответить какой-то вопрос по программе прошлого года. А мне до этого ли? Представляете, я сижу, хлюпаю носом, я забыла платок, стою, хлюпаю носом, сказать ни слова не могу. У меня язык не ворочается. Ребята все ха-ха-ха, представляете себе. И вот, она: садись на место. Я села на место, мы выходим в переменку с Юлей из класса, она говорит: «Ты знаешь что, Марксена, мне здесь очень не понравилось». Я говорю, что мне тоже не понравилось. Ты знаешь что, пойдем в мою старую школу. Она, оказывается, жила на Лиговке и училась на Воронежской, там школа была. И, значит, она переехала сюда, на Социалистическую и пошла в новую школу. Она говорит: «Ты знаешь что, пойдем в мою старую школу». А Юля, оказывается, отличница была. Ну и мы тут же, прямым ходом собрались на Воронежскую. Пришли на Воронежскую. Приходим к директору в кабинет, Алексей Васильевич Соколов, я на всю жизнь его запомнила. Приходим к нему в кабинет, и говорит: «А, Юля, ты чего?» Она говорит: «А я пришла к вам обратно. Только я не одна, со мной вот еще девочка». А что за девочка? А я стою, хлюпаю носом, и говорю: «У меня родители арестованы». Он не задал мне ни одного вопроса. Кому-то сказал: «Позовите Софью Леонтьевну», это воспитательница класса. Пришла Софья Леонтьевна, а он говорит: «Знаете что, Софья Леонтьевна, возьмите этих двух девочек к себе в класс». И все. Мало того, он вскоре... А тогда в школе были ученические комитеты, - учкомы. Так вот когда были выборы председателя учкома, он сделал так, что меня выбрали председателем учкома школы.

- Зачем?

- А чтобы я не чувствовала себя отверженной. Вообще просто мне повезло. Причем у меня же родителей не было, тетя боялась даже признаться, что она моя родственница. Когда вот мы переехали, Миля ходила к ней только вечерами, когда никто не видит. И смотрела, нет ли слезки сзади. А тетя мне даже запретила к ней приходить. Потом, правда, я к ней приходила по выходным дням, но она просила: - смотри, чтоб за тобой никто не следил. То есть, она боялась даже признаться, что она моя родственница.

- А почему тетя так себя повела?

- А потому, что тогда арестовывали всех вот, стоило только высказаться в защиту там кого-то, кокого-то арестованного... И родственников тоже всех, многих арестовывали... Родственников близких родственников тех, кого арестовывали, тоже арестовывали.

- А вот директор школы?..

- Это вот мне в жизни повезло на хороших людей. Просто мне повезло. Как вот Позерн мне помог в свое время, на первых порах. Потом вот директор этой школы. Мало того, я была председателем учкома, я была... седьмой, восьмой, девятой... Я была четыре года. А потом, значит, в восьмом классе, нам исполнилось уже четырнадцать лет, прием в комсомолы. Все бегают, пишут заявления, вот такой был массовый. И значит, все бегают ребята, пишут заявления, в то время был освобожден секретарь комсомола. Значит, он собирает всех... А у меня была там такая подруга, Тося Брагина, с которой... мы вообще неразлучные были. Тося пришла, подает ему, значит, заявление, а он говорит... Вот Марксена, ну вы знаете, у нее же родители арестованы, а я сижу молчу! Куда мне, я знаю, меня в комсомол не примут.

- А вы хотели?

- Хотела. Хотела, но... Все хотят. Все ребята. Я что, рыжая, что ли? – и я хотела. Но я знала, что меня не примут. Я поэтому заявление не писала... Сажу в классе и молчу. А он [секретарь] говорит Тосе: позови ее. Тося, значит, пришла, пойдем. Я забыла, как его имя-отчество. Значит, ... мы, я и Тося, пришли. Он говорит, ты чего? Я говорю, так меня же все равно не примут, у меня родители арестованы. Садись, пиши заявление. Я села, написала заявление. Думаю, ведь это же пустое дело. Я не знаю, как теперь, а тогда в комсомол принимали в райкоме комсомола. Там комиссия специальная была, и, значит, нас всех, значит, класс, пригласили в райком принимать в комсомол. Ну и вот, я, значит, тоже пришла, и когда дошла до меня очередь, вот этот самый, наш секретарь комсомола, значит, пришел вместе со мной. И мне он даже слова не дал сказать, он говорит, это у нас девочка очень активная, она у нас председатель учкома, и я рекомендую ее принять. Мне ни одного вопроса не было задано, и меня приняли в комсомол. (хохочет).

- Скажите, а что, в школе кроме вас больше не было детей, у которых были арестованы родители?

- Не было больше.

- Это за школа такая была особенная?

- А вы знаете, это Лиговка, это же рабочий район. Там в основном семьи рабочих. А рабочих никого... Никого не было арестованных. И вообще дети даже были не особенно в курсе дела всего этого, понимаете. В рабочих семьях, кого это не касалось, они даже не знали об этом, что такое происходит в стране.

- но, тем не менее, ребята знали о том, что у вас родители арестованы?

- знали.

- И как они к этому относились?

- Никто никаких мне вопросов не задавал. Приходит родительское собрание, у меня никто не приходит. Я молчу, Софья Леонтьевна молчит, все молчат, как будто так и надо.

- И родители другие не спрашивали?

- Нет, я с другими родителями просто не общалась, нет. Нет, никаких разговоров не было. Я вот дружила с Тосей, так ее родители, и мать, и бабушка, очень хорошо ко мне относились. Я у них дома часто бывала.

- И знали, что родители арестованы...

- Знали, меня очень жалели, мне помогали, чем могли, советовали мне. Мне вообще помогали кто что мог. Я жила в доме, на Социалистической, 6, так во дворе мне никогда не было такого, чтоб кто-то прошел мимо меня и не спросил: «Марксеночка, как твои дела, тебе ничего не надо?» Представляете себе? Ну, были такие, которые просто проходили мимо меня и не замечали, были такие. У меня мой сосед, между прочим, был такой. У меня стали воровать вещи там, его теща и жена, так я, значит, пожаловалась ему, а он говорит: «А ты вот туда не хочешь?» И все. Вот так вот. Такие у нас были отношения с моими соседями.

- А вторая семья? Там кроме вашей еще две комнаты было?

- Дело в том, что там в одной комнате жил вот муж с женой, и с ребенком, а в другой комнате жила ее мать с отцом, - старики. И у низ был прописан племянник из деревни, который работал на заводе, на «Скороходе» мастером. Так что они все свои. Так вот эта бабушка и, значит, у меня в основном воровала вещи. Я уже потом намочу белье в баке, поставлю под стол, так она даже грязное белье вытаскивала из бака, - у меня воровала. Ну, кошмар, даже говорить не хочу.

- Она хотела эти вещи или она хотела вам нагадить?

- Нет, она вещи хотела. Собственно, это рабочая, бедная семья, у которых ничего не было. А я приехала, у меня все-таки что-то было.

Миля же перетаскала много вещей к тете, а потом когда маму расстреляли, ну это я уж много позже узнала, - а тогда ко мне пришел сотрудник НКВД, сказал, что следствие кончено, - можете взять вещи из квартиры. Но я не сообразила, что могу распечатать комнаты, что я могу все вещи взять. Я взяла только из этих трех комнат вещи, а кабинет и спальня так и остались опечатанные. Кто-то потом... наверное комендант этим воспользовался, конечно. А я боялась, господи, даже заикнуться, чтобы распечатать комнаты. Я была рада, что мне разрешили это-то взять. То, что можно было продать, я продала... в комиссионный магазин мы сдали, вобщем, с Милей... то что лишнее было у меня.

– А Миля осталась с вами жить?

– Миля осталась со мной жить, а потом она вышла замуж за соседа. За того, который племянник бабкин. А он на ней женился... Потом...

Так, шас, подожди. Короче говоря, мы вот с Юлей пришли вот в эту школу, и я как-то иду со школы, это прошло, наверное, недели две, значит, где-то в середине сентября, идет мне навстречу вот мой сосед этот, Леонид. Идет навстречу и говорит: «Марксена, ты знаешь, а ребят твоих забрали в детский дом». Я пришла домой, спрашиваю, Миля, в чем дело, а она говорит, что приехал сотрудник НКВД и забрал ребят в приемник-распределитель.

– А до этого они ходили в школу?

– Да, до этого маленький не ходил, ему шесть лет было... Леша ходил в школу. Его со школы взяли, Володю из дома взяли, а я неизвестно где. Я же никому не доложила, в какой я школе. Он сказал, что за мной приедет вечером. И я, как дура... А у нас там такие широкие подоконники были, и я, как дура, в передней на подоконнике просидела, ждала, когда же за мной приедут. А он забыл, как шас помню... Судятов такой. Он то ли забыл, то ли решил меня пожалеть, я уже не знаю что. Но он за мной не приехал. Он сдал двух детей Низовцевых и все.. А че там с девкой с этой возиться, пускай она там сама. И за мной никто не приехал. Я жила без документов, без паспорта, без опеки. Представляешь себе, осталась...Хорошо, у меня деньги были. Тогда я и поехала к матери своей подруги, значит, с ней посоветовалась, как мне тратить деньги, потому что я же не знала, как. Она мне, вобщем, подсказала. Она умные советы мне вообще-то дала. Я вообще деньги старалась экономить. И ходила я в школу, и жила я одна. А за Милей стал ухаживать вот этот сосед.

– Миля жила с вами в одной комнате?

– В этой же комнате. А потом, он вдруг, мне объявляет, что хочет взять надо мной опеку, и что они с Милей поженятся, и что он надо мной возьмет опеку. Короче говоря, он хотел получить мою комнату. Я пошла к тете и ей это рассказала, - что мне делать? Тетя говорит, ни в коем случае. Тогда дядя приехал, - а у меня даже комната не закрывалась на ключ. Дядя пришел, уже тут не побоялся, поставил мне на дверь замок.

– Дядя – это муж тети?

– Муж тети. Поставил мне на дверь замок, я дверь закрыла и Милю я выставила. Замуж выходи. То есть, дядя ее выставил, замуж выходи, пожалуйста наздоровье, вот с тех пор они хоть в комнату не заходили. А так у меня из комнаты вытащили все, что могли. Миля много там натаскала, она себя обеспечила там на полжизни.

Но самое интересное, Миля вышла замуж, у нее было двое детей. И во время войны она уехала куда-то к себе на родину, в деревню. А потом она уехала в эвакуацию, а в квартире так и продолжали жить ее родственники, двоюродная сестра ее мужа... а эту комнату они разменяли потом, с бабкой с этой они разъехались. Здесь у нас другие были жильцы, которые уехали в эвакуацию тоже. Приехала Миля из деревни и вдруг мне стучит в дверь. Это в 44 году. Я говорю: «Кто там, заходите». Открывает дверь Миля. Входит и кидается мне в колени. «Марксена, милая, ты знаешь... Я приехала вот из деревни... Прости меня, я перед тобой так виновата! Прости меня, пожалуйста! Мне же в жизни никогда счастья не будет, если ты меня не простишь.» Плачет горькими слезами. Ну и вот, что же, господи, - ну я же девчонка вообще молодая... мы как-то... не особенно ценили все эти вещи... Ну украли и украли. Столько я уже потеряла, чем это самое вот. Так что я уже об этом, откровенно говоря, и забыла, и говорю: «Миля, ты знаешь что, я зла не помню, и прошлого я не помню. Давай забудем, как будто этого у нас не было». И она так мне была благодарна, она мне все руки перецеловала. Она говорит «мне счастья никогда не будет, что я тебе столько горя причинила». А я вообще правильно сделала. Потом, когда родителей реабилитировали, я решила подать на компенсацию за имущество. А я же не помню, что там было. Я написала все, что помнила. А надо было трех свидетелей. А у меня, значит, дядя был свидетель, Миля была свидетель и тетя Маша была, - я ее нашла. И я пришла, значит, к Миле подписать этот список, а она говорит: «Что ты тут написала? Ты половину только написала». И она мне давай еще половину писать. Потом мало того, потом надо было пойти в большой дом, подтвердить свою подпись. Так что если бы я тогда Милю не простила, то где бы я нашла тогда третьего свидетеля?

Но интересное не в этом. В 48 году арестовывают дочь Смородина. Ее арестовали, и меня вызывают в НКВД, в большой дом. А я на даче с ребятами, в Райволо на Карельском перешейке жила на даче. Приехала ко мне тетя, это 48 год. Приехала ко мне тетя, значит, с повесткой... А у меня уже двое детей было, ну и вот, она приехала ко мне, чтобы, значит... Муж ее послал, чтоб она осталась с ребятами, а чтобы я поехала в город, в большой дом. Я, значит, прихожу, подписываю пропуск, мне говорят, вход с Воинова. Я, значит, захожу с Воинова. Ты там никогда не была, в большом доме?

– Была, была.

– Значит, там один пост, потом второй пост... У второго поста меня ждет, значит, следователь. Мы идем по этому длинному коридору, от коридора, знаешь, вообще ужасное впечатление. А еще в таком состоянии... Высокие потолки, кажется, он узкий... И эти двери, дубовые... Я, значит, иду, а он: «Что, страшно?» Понимаешь, паразит такой... Я молчу. А мне

действительно страшно было. Вдруг идут навстречу мне два мужчины... И в одном из них я узнала нашего бывшего секретаря комсомольской организации. «Марксена, здравствуй! Ты чего здесь делаешь?» А я говорю, не знаю, меня вот пригласили. «А как твои дела?» А тот [следователь] с маленькими погонами, а этот, значит, с какими-то большими. Тот, значит, стоит по стойке смирно, а он стоит разговаривает со мной, как у себя дома. А тот стоит, молчит, ждет (хохочет). Он говорит: «Как твои дела?» А я говорю, вот так и так... Ну, стоим, разговариваем с ним. Он говорит, а я в войну, значит, воевал в партизанах на Украине, потом работал в органах на Украине, а щас меня поставили вот сюда работать. Щас буду здесь работать. Так, а что у тебя? А я говорю, я не знаю, чего тут меня вызвали... Ну, если тебе что надо, обращайся ко мне. И конечно, тут уже, когда следователь меня привел в кабинет, ко мне совсем было другое отношение. Может быть, меня тогда бы и зацапали вместе с Майкой, но во всяком случае ты представляешь себе... он со мной уже совсем иначе разговаривал. Мало того, Майка, она вообще, стерва, конечно, но это неважно.

– Майка – это кто?.

– Майя Смородина. Дочь Смородина. Он мне показал ее дело. В деле, значит... Там знаешь, раньше были такие бухгалтерские книги, такие голубоватые или синеватые такие вот листы. Вот на таком листе написаны ее показания, что я являюсь вообще антисоветски настроена... что я сведения там, разговоры, анекдоты, там еще что-то... Понимаешь, такое на меня.... Так что представляешь себе? При таком вот доносе, конечно, мне бы несдобровать. Он мне его показал. Представляешь себе? А чем это вызвано? А дело в том, что Майка у меня жила... У нее умерла бабушка после войны, и она у меня несколько месяцев жила. У меня вообще всю войну у меня кто-то жил из подруг. В моей пятнадцатиметровой комнате кто только не жил. И в том числе, Майка пришла, значит, такая огорченная, у нее умерла бабушка от голода, и, значит, комната у нее холодная, и ничего у нее нету, и я ее оставила у себя. Она у меня несколько месяцев жила, и она у меня украдала порядочно вещей, она у меня воровала потихоньку. Она работала тогда в Апраксином дворе курьером, значит, у нее время свободное было, она несла на рынок, продавала, и там покупала и жрала, понимаете? Иногда и мне чего-то приносила и говорила, что она получку получила. А когда я хватилась, оказалось у меня одного нет, другого нет, третьего нет, и я ее выставила. И, значит, она мне решила отомстить. А я сказала, что вот так и так, она у меня жила несколько месяцев, она меня обокрала, я ее выставила, и наверное, она решила просто мне отомстить. А вы можете это написать? Я говорю, могу. Я взяла и написала. Но интересно не в этом. Потом, когда приехал сюда сын Майки... Она в лагере там прижила еще сына. И сын воспитывался в детском доме. Потом, значит, сын приехал к ней, но вобщем, это длинная история. И, значит, после ее смерти сын ее, Смородин, и мы с ним общались, и вот он меня попросил, значит, написать воспоминания о своей матери, и я ему написала все как было. А он, значит, здесь, в большом доме, попросил ознакомить его с делом матери, и он мне сказал «Вы и еще

какой-то мужчина единственные, кто... а там многих допрашивали по поводу ареста моей матери, - вы единственные, кто про нее ничего не написал плохого». И он подтвердил, что там есть донос на меня. Вообще мир очень тесен, понимаешь?

– А когда братьев забрали в детдом, вы знали, куда? Вы им могли писать?.

– Да, этот приемник-распределитель был на Петроградской стороне. Это же осень была. Миля и я, что их отправят куда-то в детский дом, мы свезли им все вещи, всю одежду. И зимнюю, и валенки, и пальто, и шапки, и костюмы, и белье... Впрочем, у меня два таких вот списка было вещей. А они ничего, им ничего не отдали ребятам, - ничего. Мне уже Леша говорил, что они ничего не получили. А потом отправили...

– А встретиться вам не разрешили?

– Встретиться не разрешили. И Лешу отправили в Кировскую область, а Володю отправили в Удмуртию. В Удмуртскую АССР.

– .вам сказали, куда их отправили?

– Да, сказали, куда. И сказали даже адрес. Я им пишу, написала Леше, он уже в школу ходил, мы с Лешей все время переписывались. Причем письма его были довольно грустные. Например, он пишет: я сижу вот сегодня пишу тебе письмо, потому что у меня сегодня свободное время. Я сегодня не пошел в школу, у нас одни сапоги на троих. Мы ходим в школу по очереди. Слава богу, скоро настанет лето, можно будет пойти к речке, там наловить... Они ловили каких-то там ершиков, на костре жарили, и там траву ели... Он знал все травы съедобные. Собирали травы съедобные, ловили ершиков, вобщем были голодные всегда там. А Володя, он же писать не мог еще... Он в школу не ходил. Я пишу, значит, прошу сообщить. Я вот сестра Низовцева Владимира, прошу сообщить мне, как он себя чувствует, в чем он нуждается, вот в таком духе. Мне отвечают: ваш брат Низовцев Владимир находится в нашем детском доме с такого-то по настоящее время. Я пишу опять. Прошу, пожалуйста, передайте мое письмо воспитателю моего брата, пускай она мне сообщит, что надо. - Ваш брат Низовцев Владимир находится в нашем детском доме с такого-то по такое-то число. И все. Представляете себе? И у меня таких вот несколько ответов было. Потом, значит, следующее, перед самой войной было... Ваш брат Низовцев Владимир переведен из нашего детского дома в такой-то школьный детский дом. Я пишу, значит, в этот школьный детский дом: ваш брат Низовцев Владимир находится в нашем детском доме с такого-то по такое-то время...

– А почему вы не могли сразу ему написать, ведь он же научился уже читать?

– А он еще не умел, он не умел ни читать, ни писать.

– А когда в школьный когда перевели?

– Ну так в первый класс! Что он там мог, в первом классе. А потом война началась. Тут переписка прервалась. А потом я пишу в этот детский дом, где-то вот уже в конце блокады, мне отвечают, что детский дом расформирован, куда делись ученики, нам неизвестно.

А с Лешей переписывались. У меня даже фотография есть, прислал... Его фотография. «Моей любимой сестре» Он кончил детский дом, у него семь классов.

У него, была очень хорошая воспитательница, которая очень хорошо к нему относилась, она ему рекомендовала и помогла поступить там же, в Кировской области в лесной техникум. Какой-то деревообрабатывающий техникум. Он поступил в этот техникум, значит, там он сколько-то проучился, но началась война. Его забрали в армию, но дело в том, что ему приписали год...

Кассета 2, сторона В

- как приписали год?

- Леша, он 27-го года, да... и ему приписали год. А его написали 26-го. А его, значит, врач определил на 26-й [у кого докуметов не было, врач определял возраст]. И вообще, представляете, с голодухи, с детского дома его в армию призвали, а он говорит, я винтовку держать не могу. Он на год младше был, его значит, тогда же в армию призывали с 17-ти лет... Да, а его, значит, призвали раньше, он говорит, винтовку держать не могу, мне тяжело, ты понимаешь, что там голодный ребенок-то, представляете себе. И он служил во время войны на Дальнем Востоке. А потом, значит, он приехал в отпуск сюда, значит, с Дальнего Востока. Я ему что, у меня ж тоже денег не было, я что-то продала, по-моему, часы какие-то продала, еще что-то продала, я ему наскребла денег, чтоб он заехал в Удмуртию, попробовал искать брата, Володю. Он тогда приехал, написал мне письмо, все безрезультатно, -ничего найти не могу. Он нашел только воспитательницу, бывшую воспитательницу Володи, которая ему что-то там рассказала о Володе, но где он щас, она так и не знает. Так он и пропал, я не знаю где. Так мы его найти не смогли. Потому что как искать?... неизвестно, какое отчество, неизвестно, какой год рождения. Представляете? то есть, потом мы объявляли всесоюзный розыск, он результата не дал никакого. Потому что неизвестно, какое отчество, неизвестно, какой год рождения. Поэтому что с ним стало, я так и не знаю. Сделали мы все, что могли, так он и пропал, Володя, - что с ним стало, я не знаю.

- Он сам писать не умел?

- А сам он, конечно, ничего не помнит, Причем мало того, что он [Володя] ничего не помнил, Леша ничего не помнит! Леша, когда приехал, он не помнит ни отца, ни матери, ни Мили, ни где мы жили, он ничего не помнит, Леша. Ему было 10 лет, когда его забрали в детский дом. Что сделали с ребенком, я до сих пор не понимаю.

- но вы же переписывались?

- Мы переписывались, но я ему не писала подробности...

- Но он знал, что у него сестра есть?

- Что сестра у него есть и брат, это он знал. А больше он ничего... Я о семье ничего ему не писала. Я полагала, что он что-то знает. А он, оказывается, ничего не помнил. Представляешь себе? Так он до самого конца и не вспомнил... Он в прошлом году умер. Царствие ему небесное. Он так до самого конца, он ничего не вспомнил. Он даже Милю не помнил, представляете? Он меня только по фотографии - вот, что я ему посылала свою фотографию, я переписывалась все время, он меня считал за свою сестру, за родную. А когда он приехал, после армии он приехал ко мне. А его в Ленинграде не прописывают. Хорошо у моей тетки, а она вообще была очень хороший стоматолог, у нее были очень большие, обширные, знакомства, ... среди пациентов. И у нее на счастье была пациентка, знакомая, начальник паспортного стола нашего района, Фрунзенского. И она ее попросила, и та Лешу прописала. Причем, у меня прописать нельзя, потому что у меня комната, у меня трое детей, у меня пять человек и так прописано было, а комната 15 метров, и я прописала его у тети. Тетя у себя прописала. А ему надо получить свидетельство о рождении, надо паспорт получить. А чтоб получить паспорт, надо получить свидетельство о рождении. Вот когда он пошел в ЗАГС, а тетя помнила, где он родился, в каком районе. Я уже тогда ему вынуждена была сказать, что он мой неродной брат... Но он к этому легко как-то... - он все равно меня сестрой называл. Привозил какой-то подарок - это мой сестре, это моей родной сестре. И я, когда он первый раз приехал, я убрала из альбома все карточки своего отца родного, все карточки

убрала. Все, что могло напомнить, все убрала, чтоб он не знал. А потом я уже вынуждена была ему сказать, рассказать ему это все. Но он к этому отнесся тоже спокойно совершенно, потому что знаешь, вот уже столько лет, привык к мысли, что я его родная сестра, тут уже трудно было что-нибудь изменить. Вообще, конечно, сложно.

Он кончил 7 классов, и когда он приехал сюда, он хотел поступить в техникум в какой-нибудь. И вот его на работу то нигде не берут, знаете как... У мужа были, значит, какие-то связи на телефонном узле, муж его устроил там ну, рабочим простым. Устроил на телефонный узел, он ходил там эти колодцы проверял, и он хотел поступить в техникум. А мы решили, это я настояла не в техникум, давай иди в школу рабочей молодежи и поступай в институт. Вот, он пошел в школу рабочей молодежи, кончил школу рабочей молодежи и поступил в институт. Кончил институт, потом он работал в одном научно-исследовательском институте до самой пенсии. И я ему, конечно, помогала, чем могла. Причем интересно, когда мы получили компенсацию за имущество, потом еще там повыплачивали зарплату, там двухмесячный оклад там за что-то... А когда получили компенсацию за имущество, мне в финотделе, в нашем горфинотделе мне деньги не выплачивают: вас двое, вас двое. В каких долях вам выплачивать? Подавайте в суд. Пришлось подать в суд.

- Почему в суд?

- Значит, мы оба наследники, в каких долях нам выплачивать? Я говорю, так выплатите нам поровну! Нет, это должен решить суд. Я подала в суд. А на суде выступаю и объясняю, что мои родители арестованы и находились в концлагере, меня судья прерывает. У нас не было, нет концлагерей. (смеется) А для меня это все равно было, все равно концлагерь. Судья спрашивает, как делить? А я говорю, да присудите ему все, или мне все. Мне все равно. Брат говорит, присудите ей все, мы все равно по-своему будем делить. Судья написала поровну. Нам выплатили поровну, но я все равно ему потом добавила, потому что он кончил как раз институт, у них ничего не было, получил комнату вот, как сын реабилитированного. Получил комнату, у них ничего не было, - надо было мебель, все надо было покупать. Я тогда дала, тогда добавила ему денег еще из своих денег. Вобщем, обставили ему всю комнату, купили все необходимое. Но самое главное, он тогда женился, на последнем курсе института он женился, и у него ребенок уже был. И, смешно так, мне невестка тогда говорит: самое дорогое, о чем она мечтала, это мясорубку купить. Ну, когда всю жизнь в общежитии живешь, то... Понимаешь, у нее тоже родителей не было, у нее родители погибли. Она одна была. Ну и вот, мясорубку она хотела купить.

- А что, это была большая компенсация?

- Нет, ерунда была. Мне заплатили сначала пять тысяч, в то время, представляете. Я потом написала... я написала там в ЦК, мне там... там... Ой! Это была целая история. Написала в ЦК, меня вызвали в обком, причем, значит, учинили мне там чуть ли не целый суд. Значит там начальник отдела, который ведает у нас этими самыми... органами. Потом начальник общего отдела, такой Федоров был, паразит был жуткий. Потом заместитель начальника финотдела, и представитель НКВД. Представляете, вот три мужика. А я – девчонка еще... Ну что это было, в 54-м году, в 57-м, что мне там было... Ну, я их там вообще разделала здорово. А что вы хотите? Они вот написали там, ну, например, вот платья матери я перечисляю там шерстяные. Я говорю, хорошо, вот кресла там кабинетные... Ну, я там уже не стала диван кожаный... Кресла кожаные. Я говорю, а дайте мне, пожалуйста, ценник. Дайте мне. Ну, вы знаете, у нас тележками возят все. Я говорю, а мне не надо тележку. Дайте мне какой у вас есть. У него оказался, значит, на мебель, вот на мягкую мебель и на платья. Хорошо. Я взяла, значит, ценник и ищу там кресла. Кресло, значит, старое, вобщем, подержаное... значит там такая-то цена, в среднем такая-то цена, новое – такая-то цена. Я говорю, а у меня почему по самой низкой цене оценили? А у меня перед собой этот список, значит, опись лежит. Потом платья - я смотрю, платья... Платья шерстяные мамины, значит. На Невском, 12 сшитые, то есть представляете себе? Мне оценили как ситцевые. Самые дешевые. Я говорю, а почему платья оценили как... ну хотя бы оценили как шелковые... Почему оценили как самые низкие? - а у мамы, я говорю, ни одного ситцевого платья не было. И вот, вобщем, они видят, деваться некуда. Ну хорошо, мы пересмотрим, мы вас пригласим. И мне еще доплатили сколько-то, по-моему ... 6 тысяч доплатили еще... А компенсацию, значит, зарплату там я не помню уже, какой оклад был там у отца... У матери там тысяча с чем-то была, значит, двойной оклад, а у отца там сколько-то, я не помню уже. Вобщем, деньги небольшие, но тогда и

цены другие были... Вообще, конечно, я считаю, там одна библиотека стоила этих денег. представляете, там кожаный диван, два кресла, стулья... У меня один стул случайно оказался, в передней вот он стоит, щас у меня в передней, от этого кабинета. Потом письменный стол красного дерева, шкаф книжный большой, во всю стену красного дерева... представляете себе. Потом спальня там тоже... И библиотека. Одна Большая Советская энциклопедия в то время, наверное, стоила тыщу рублей. Вобщем, это ерунда. То есть, это бесполезное дело с ними, вообще кошмар какой. А с квартирой у меня вообще ерунда получилась... я же эту квартиру получила в 57-м году как эта... семья репрессированных. Так у меня комната 15 метров, так у меня еще немножко не хватало до 15 метров, потому что надо выкинуть печку, круглая печка была. Печное отопление у нас было. Так мне написали 15 метров, я снова вызвала обмерить, - мне обмерили, написали мне «меньше 15 метров», только тогда мне дали вот эту квартиру, потому что у меня меньше трех метров на человека было. А брату вообще отказали. Я пошла, значит, к этому Федорову, был такой паразит, начальник жилищного отдела городского. На Герцена. Я к нему пришла, говорю, на каком основании вы брату отказываете? А он отвечает – он кончит институт и вообще уедет куда-нибудь. Зачем ему комната? Представляете себе, зачем ему квартира? Я значит тогда пошла опять в обком... Сколько я в этом обкоме была, я по-моему уже дорожку проторила. Я пошла опять в обком, а потом уже стала к начальнику-то этого отдела, который ведаёт НКВД и всем этим, он ко мне потом стал очень хорошо относиться. Я, значит, прямо к нему, вот так и так. Ну и он приказал начальнику жилищного отдела, чтобы Леше дали комнату, здесь, на Ленсовета же, 20 метров примерно комнату ему дали в коммунальной квартире. А коммунальная квартира оказалась ужасная, - там пьяницы были. А потом пришла ко мне Надя, это дочка Кадацкого, пришла ко мне Надя. Ты знаешь что, говорит, когда-то в каждом районе были организованы комиссии старых большевиков. Из репрессированных, тех, которые остались живы. И председатель этой комиссии был... забыла его фамилию... как его... он работал вместе с отцом. Надя приходит и говорит, что, пошла она в эту комиссию старых большевиков и ей дали однокомнатную квартиру. И она говорит, знаешь что, ты пойди, сходи. Может быть там Леше что-нибудь дадут... Я прихожу, а он меня помнил еще девочкой, ой, Марксена, здравствуй! а где папа? Я говорю, папу расстреляли. А мама? Я говорю, маму тоже расстреляли. Он говорит, а что тебе... Чем тебе мы можем помочь? Я говорю, мне ничего не надо, у меня квартира есть, у меня все есть. Надо брату помочь. У него вот ужасные условия... Ты знаешь, вот нам дадут скоро площадь, пожалуйста, в течение недели оформи вот следующие документы, и мы значит твоему брату дадим... Ему дали потом трехкомнатную хорошую квартиру.

- А что это была за комиссия старых большевиков?

- У нас была... Она так и называлась, комиссия старых большевиков. Значит, она была в райкоме партии. Она была создана, очевидно, в 57-м году, то есть, когда вот репрессированные, которые члены партии, вышли из лагерей, они организовали комиссию старых большевиков в помощь вот репрессированным.

- Это в 57-м году было, да?

- в 57-м году, да. .

- А городской не было? Были только в каждом районе?

- А городской я не знаю, просто не знаю. Я знаю, что районные были, вот в нашем районе. Мне пришла, подсказала это вот Надя. Надя Кадацкая. Я бы сама не знала, конечно. Надя Кадацкая подсказала.

- А как же вы в школе дальше учились? У вас же нет ни документов, ничего... Началась война... И вы в каком классе были?

- Да, так я как раз окончила десять классов в 41-м году. Началась война.

- И вам аттестат выдали, все нормально?

- У меня за семь классов аттестат на Низовцеву. За десять классов... Так было... Я же Низовцева, а мне надо получать паспорт. Когда исполнилось 16 лет, мне надо получать паспорт. Паспорт получать, надо получить свидетельство о рождении, которого у меня нет. Значит, тетя у меня пошла в ЗАГС, получила свидетельство о рождении. А по свидетельству о рождении я не Низовцева, а я Сизова-Карпицкая. Меня так зарегистрировали... Я в школе была Карпинская, когда мама развелась с папой, я в школу пошла как Карпицкая, а оказывается, я Сизова-

Карпицкая. У меня двойная фамилия. Мне, значит, в школе пришлось менять фамилию. А так как Сизова-Карпицкая это длинно, написали только Сизова. На Карпицкую места не хватало. Но аттестат у меня за 10 классов выдан как Сизовой-Карпицкой. Паспорт у меня как Сизова-Карпицкая был. Потом уже, когда я вышла замуж, я уже поменяла фамилию, стала Никифорова. А так я была Сизова-Карпицкая.

Когда началась война, значит, а уже к тому времени тетя уже перестала бояться, там, наверное, года за два. И я жила уже у нее. Практически. Комната у меня была закрыта, и я жила у нее. Началась война, бомбежки. А еще до этого был интересный случай. Значит, я там уже в квартире в этой не жила, перед войной, вдруг приходит какой-то эт самое... мужчина. В шляпе, с портфелем. И говорит, мне надо вот Марксену Карпицкую. Соседи говорят, она живет у тети. Вот. Где? И они сказали, где. Он пришел к тете, меня дома не было. Пришел к тете и говорит, мне надо девочку Сизову-Карпицкую. А тетя говорит, а вы кто будете? А я вот профессор такого-то института, я вот знакомый ее матери, я хотел узнать о судьбе этой девочки. А потом... потом он признался, что он сотрудник НКВД. Он пришел, значит, узнать о моей судьбе. Причем...

- А зачем?

- А я не знаю, зачем. Сам признался. Потому что он посоветовал тете оформить на меня опеку, значит, надо какие-то там документы. Сказал, что, мол, я вам могу помочь. Вобщем, короче говоря, этот разговор пошел уже напрямую. А потом, в 57-м году, после реабилитации, значит, в печати было очень много всяких публикаций... О репрессиях в печати было очень много всего... Особенно в периодической. И в одной из газет я прочитала такую статью. Пишет какая-то пожилая женщина, что у нее арестовали дочь и зятя, она осталась с малолетней ребенком, и к ней пришел какой-то мужчина, назвался что он сотрудник ее дочери, и что он хочет узнать о судьбе, а потом он признался, что он сотрудник НКВД, и что он может помочь. И он даже помог ей выхлопотать, знаете, на ребенка пенсию. Я, говорит, не знаю ни фамилию, ни отчества этого человека, но я ему очень благодарна. Вы представляете? То есть, он как сотрудник НКВД, он ходил, - ему поручали, значит, проверить, он вместо этого помогал. Вы представляете, вот такие люди были.

Так вот, я жила у тети, когда война началась. Начались бомбежки. И бомба попала рядом с тетиным домом, и там выбило все рамы, стекла, и стенки вот эти, знаете, эт самое вот. Я в это время дома была, и, значит, я как раз напротив окна сидела, закрыла вот так вот лицо руками, и у меня вот шрам вот здесь, на носу. В меня попали осколки, и лицо у меня вообще было в крови, - попало между пальцами осколки, стекла эти. А вот тут был вообще большой шрам такой. А мы с дядей не пошли в бомбоубежище... нам надоело каждую бомбежку бегать в бомбоубежище, мы с ним остались дома. А когда, значит, бомба-то попала, мы с ним спустились в бомбоубежище, там все разрушено было... В бомбоубежище спустились, там встречают наши эти самые дружинницы, меня подхватывают, и на носилки. А я вся в крови, Я-то не вижу! Пока я спускалась по лестнице, я вся в крови была, Ну и вот, меня на носилки. Говорят, что вы, что вы, что вы! Я говорю, да ничего со мной. Они, значит, обтерли лицо, а у меня, уже кровь перестала идти, ну вобщем, там мне чем-то смазали, залепили, вобщем, ничего, все обошлось. А дом-то разрушен, и тетя с дядей переехали ко мне. Привезли фанеру, окна заделали фанерой, двери закрыли. Переехали они, значит, в мою 15-ти метровую комнату. И мы вот все также и жили в моей 15-ти метровой комнате.

- А вы работали в блокаду?

- Я – нет, я, когда началась война, я поступила в университет. Меня бы так не приняли, но в войну там никто не обращал на это внимания, кто там и что.

- Почему вы думаете, что не приняли бы?

- А потому что я знаю, что не принимали. У меня вот моя знакомая потом поступала, она поступала в университет, ее не приняли. Как дочь врагов народа. Ну и вот, я, значит, поступила в институт. Тогда все это было очень просто. Экзамены тоже там мимоходом, вобщем, нас приняли, списки вывесили, и тут же нас на другой день отправили на оборонные работы. Куда-то под Новгород. И, значит, там, - рыть противотанковые рвы. А потом, значит, когда мы оттуда приехали в сентябре месяце, с оборонных работ, значит, начались занятия. Но занятия знаете как, с пятого на десятое. Потом меня, послали работать там дружинницей в госпиталь... А вот в институте Отта, вот рядом с университетом, там находился военный госпиталь. И меня туда послали, вот я там сутками дежурила, в этом госпитале. Так что представляешь себе, учеба та

была еще. А потом, значит, я, уже когда стало плохо в ноябре, я уже ходить не могла, значит, я уже в университет не ходила. Я только с трудом поползала в конце месяца получить карточки. Вот рабочие... нет, не рабочие, по-моему служащие тогда нам давали карточки...

- А почему вы не эвакуировались с университетом?

- Я не хотела уезжать из Ленинграда. У меня дядя, мой второй дядя, он вообще известный картограф был.

- Этот дядя – чей брат?

- Это даже не брат, это дядя моей тетки. Это младший брат моей бабушки. И они его в семье звали все дядя Сиватья. И он жил в этой же квартире. Он работал на картографической фабрике, был довольно известный картограф. И, значит, ему предложили эвакуироваться. Тогда специалистов всех эвакуировали. Он приехал и говорит, значит, Марксена, мне вот предлагают, и если ты поедешь, я поеду с тобой. Я говорю, нет, - я никуда не поеду из Ленинграда. Он говорит, я тоже не хочу ехать. Но я-то осталась жива, а он умер от голода. Вообще, конечно, это грех на моей душе, он умер... Вот, я не хотела ехать из города. Ты знаешь, я не верила. Что Ленинград возьмут, я не верила. У меня даже в голове этого не было. Мало того, скажу интересно, у меня тетя работала в поликлинике, и там у нее была приятельница, врач тоже. Она говорит, слушай, ты переименуй своей Марксене имя, ведь немцы придут, ее сразу расстреляют! (смеется) Тетя приходит, мне рассказывает, а я говорю, дудки! Как меня родители называли, так я и буду. Расстреляют, и пускай, а имя не отнимут. Я не верила, что Ленинград возьмут, я не верила. А куда ехать? Ты представляешь себе? Правда, у меня отец в Новосибирске, но это дохлый номер был, вот представляешь себе. А здесь у меня единственный мой теплый обогретый угол, вот 15-ти метровая эта комната, а куда это я поеду? Понимаешь, я даже не думала уезжать из Ленинграда. У меня даже в мыслях не было! Я не верила, что немцы возьмут город, у меня даже в мыслях этого не было.

- Скажите, а вас не высылали из Ленинграда?

- Ха! Высылали! Расскажу. Я работала в библиотеке. Значит, когда университет эвакуировался, тетя с дядей уехали на квартиру к своей тетке. Тетя уехала к своей двоюродной тетке, у нее там умер муж, и она пригласила их к себе. У нее маленькая квартира трехкомнатная, они, значит, уехали от меня, я осталась одна. А чтобы мне на что-то жить, дядя меня устроил работать в библиотеку. Эта библиотека районная была, районная детская библиотека, на улице Правды, рядом со школой. Ну и вот, там была очень хорошая заведующая, - Любовь Захаровна Рубина. Она почему ко мне хорошо относилась, Я уже потом узнала, что у нее брат и сестра были репрессированы. Но как она, удалось ей скрыть это, я не знаю. Она член партии, член бюро райкома, заведующая библиотекой, представляешь себе! И она покрывала меня, вобщем, что сделала, ты и представить себе не можешь. Ну и вот, так что вообще это был исключительный человек. А потом, значит, во время войны, в начале детей-то всех эвакуировали, у нас детей-читателей нет. А была разрушена, сожжена районная библиотека имени Пушкина, там на Лиговке, недалеко от Разъезжей. Ну и вот, и во время войны было решение райкома организовать районную взрослую библиотеку. Представляете? Нам выделили помещение, рядом там в доме 8 по Социалистической, там помещение бывшего какого-то конструкторского бюро, которое было эвакуировано, вот одноэтажное здание во дворе. Ну и вот, нам отдали это помещение, так мы там собирали фонд по всему району, это все долго рассказывать.

- Когда вы собирали фонд? В каком году?

- Это было в 43-м году. Значит, начали в 42-м, 42–43-й год. Ну и вот, а у нас была бухгалтер такая, Васильева. А она жила на Социалистической тоже дробь 2. Рядом, вобщем мы тут все рядом жили. А у нее муж был, он офицер царской армии. Но он перешел на сторону красных, окончил институт, и работал начальником планового отдела завода Сталина. А у него, значит, во время войны от голода, - у него цинга была, - вот такие отекавшие ноги, он на работу ходить не может, и он сидел дома. А дома сидеть там, знаешь, как дома сидеть... Жена идет на работу в библиотеку, и он стал к нам ходить в библиотеку. Приходит к нам, - печку затопит, флажки на карте поставит, газеты подошьет, вобщем, при деле был. И, значит, так он ходил к нам довольно долго, несколько месяцев, а потом вдруг его арестовывают. И всех сотрудников библиотеки начинают таскать на допросы. А все молчат! Как партизаны. Вдруг Любовь Захаровна меня к себе приглашает и говорит, ты знаешь что, Марксена, всех же вызывают на допрос. Значит, скоро

вызовут тебя. Имей в виду, будь готова. Хорошо. Получаю повестку: явиться в районный отдел НКВД почему-то на Садовой улице, это Октябрьский район. Почему? – не знаю. Он жил вот здесь, в этом районе, почему-то Октябрьский район. Там вот, где был райком партии, было там, знаешь, - красное здание такое. И, я Любовь Захаровне говорю, вы знаете, я получила повестку. Хорошо, пойдем вместе. Она меня проводила, сама туда не зашла, там же надо пропуск, она, значит, осталась на улице, я зашла туда. Захожу в кабинет, небольшой кабинет, сидит там за столом держиморда такой ... Начинает там с пятого... чуть ли не о погоде, еще что-то там, о семейных обстоятельствах начинает спрашивать... А потом мне значит прямо: вот у вас там работал такой-то, Васильев, значит, я не помню его отчества, - что вы можете о нем сказать. Я говорю, а что я должна о нем сказать? Я говорю, это вообще порядочный, хороший человек. Он, значит, мне там наводящие вопросы. Я говорю, нет, ничего этого не было. Я этого не знаю. Он тогда: вот ты дочь врага народа, поэтому ты защищаешь врага народа. Я тут всплыла, я говорю, знаете что, то, что мои родители враги народа, этого мне еще никто не доказал. А то, чем вы здесь занимаетесь, является преступлением. Для меня это ясно. Ты представляешь себе? Только по молодости, по глупости можно было так сказать. Он, значит, вскочил, а я вот так сижу за столом. И я вскочила. Вскочила, значит, и схватила стул. Он вообще, наверное, привык бить по морде, а я вот так вот перед собой стул. Иначе он меня бил... Надо было все видеть это со стороны. Он понял, что это не такое место, где можно бить по морде. Сел. Ваш пропуск. Я поставила стул, даю ему пропуск, он подписал... - можете идти. Я повернулась, иду до двери, думаю, он меня сейчас догонит и стукнет. Но я тебе, паразиту, ни за что не покажу, что я тебя боюсь. Я медленно дошла до двери, открыла дверь, закрыла аккуратно, вышла на улицу, а у меня здесь вот комок в горле стоит, я говорить не могу. Любовь Захаровна, значит, ко мне подбегает, - что такое? А я сказать ничего не могу. Что случилось? Она меня взяла под руку, и мы по Садовой дошли до Сенной площади. Представляете, я пока пришла в себя. А ей на Сенной площади через канал Грибоедова надо было, на ту сторону, а мне на Социалистическую, во Фрунзенский район надо было идти пешком. Она говорит, тебя проводить, и я ей сказала, что случилось. Она, а как так можно? Разве можно было так говорить? Ну, что сказано, то сказано. И я пошла пешком, потихоньку. Пока я дошла до дому, я успокоилась. А в то время у меня жила моя школьная подруга, Руфинка.

- Это когда было?

- Это был 42-й, наверное, начало 43-го года. Прошло, наверное, несколько дней, вдруг звонок. В 11 часов. Я думаю, кто так поздно. Комендантский час до 10 часов, а тут кто-то идет. Открываю дверь, стоит какой-то парнишка, предъявляет мне повестку. До 12 часов явиться в районный отдел НКВД. Тогда районный отдел НКВД находился в Пароходском, на Фонтанку эт вот самое вот, с Загородного. Ну и вот, этот повестка является пропуском. Ну, мне пропуск никакой не потребовался, я тут дорогу перешла и все. Прихожу я в НКВД, так меня что поразило... 12 часов ночи. А они работают вовсю. Там вот стук пишущих машинок в кабинетах, значит, люди с какими-то бумагами по коридору ходят. Они, бедные, трудились тогда круглые сутки! Я нашла того товарища, которого мне надо было, он, значит, мне одну дверь открывает, закрывает – занято, другую дверь – занято, потом задвинул меня в какой-то там небольшой кабинет, там стоит письменный стол, заваленный какими-то книгами-бумагами, и стоит большой такой, знаете, квадратные сейфы такие были. Посередине стоит. Он, значит, на этом сейфе... Подает мне повестку: распишитесь. Я, значит, читаю. Выехать из Ленинграда в 24 часа. Я расписалась, взяла эту повестку, прихожу домой, а у меня в то время жила моя школьная подруга Руфина. У меня все время кто-то жил вообще. Я ей показываю эту повестку, а она: ой, это надо же, Марксена, собираться, давай я тебе помогу. А я, вот знаешь, села вот так на кровать, руки опустила, как щас помню... Не могу, двинуться не могу. Она суетится вокруг меня, Марксена, надо же собираться, надо... Я говорю, знаешь что, Руфина, я никуда не поеду. Почему я должна ехать? Скажи пожалуйста. Единственное, что есть у меня – вот этот теплый, обогретый угол. Пускай меня арестуют и вышлют. Я сама никуда не поеду. Да как так вот. Вообще, мы легли спать. Утром я прихожу... пошла на работу, к Любовь Захаровне, подаю ей эту повестку. Я говорю, Любовь Захаровна, вот. Чего?! Выселяют из Ленинграда?! Никуда не поедешь. Она так немножко грубовато говорила. Никуда не поедешь! Вот тебе ключи от библиотеки, поживи здесь, пока все успокоится. Эти энкавэдэшники, они так были уверены, что люди, получив повестку испугаются и сразу уедут, что никому даже в голову не пришло проверить, уехала я или нет. Мало того, у нас

вот, в нашем ЗАГСе работала паспортисткой женщина одна, пожилая, она ко мне очень хорошо относилась. И, значит, я пришла к ней, Елизавета Николаевна, я помню, ее звали. Я говорю, вот знаете что, вот я получила повестку на выселение. Если вас будут спрашивать, скажите, что или не знаете, или что я уехала. Представляете, были люди такие, которым я могла так сказать! И даже, я потом спрашивала, к ней даже никто не приходил и не спрашивал. Даже никому в голову не пришло проверить. А библиотека-то рядом, я другой раз вечером поздно дорогу перебегу, там, что-то мне надо взять, окна завешены там... Я свет даже зажгу, там что-то поделаю дома... А ночевать иду в библиотеку, чтоб меня здесь никто не застал, я иду ночевать в библиотеку, в кабинете у Любовь Захаровны так месяц я, наверное, прожила. Никому даже в голову не пришло проверить. Потом я две семьи встретила, которые были таким образом выселены из Ленинграда, но они не могли получить справки о том, что они были выселены. Потому что вот таким образом они уехали, и... а там у них никакой справки... там их регистрировали, и никакой справки они не имели... а здесь нигде, ни в каком деле не было указано, что они выселены. У меня у матери тоже не было о моей высылке... оба дела есть, и матери, и отца, и нигде не указано, что я получила повестку о выселении. Так что, если бы я уехала, то я бы не смогла доказать, что я репрессированная была.

- Вы рассказываете, как люди помогали... А были случаи, когда, узнавая, что ваши родители арестованы, вам что-нибудь плохое делали?

- Вот единственное – мой сосед, когда я упрекнула, что они воруют, он мне единственное показал вот пальцы [решетку пальцами сложил], а так больше никого не было.

- Никогда?

- Нет, не было. А в доме у нас все вобщем-то знали все... Дом же такой небольшой. Тем более, в то время люди, знаете, общались между собой. Не то что теперь. Вот я даже не знаю, кто там у меня соседи щас. Так что все друг друга знали. И мне вообще, мне многие даже просто помогали.

- А вы чувствовали, что вы – дочь врагов народа?

- Да, я чувствовала...

- А в какой форме? Как это?

- Ну, во-первых я чувствовала, я вообще этого никогда не забывала просто. Я никогда не забывала. Я не знала, что меня ждет дальше. А потом я стала очень чувствовать, когда я кончила школу.

Когда вот я стала поступать в институт, я поняла, что тут могут... Но в институте мне тоже повезло, у нас был такой... как же его фамилия... Меньшиков, не Меньшиков... Нет, не помню.

На филфаке был секретарь партии. Так он ко мне очень хорошо относился. А секретарь комсомола факультета, такая Волк была Нина, она ко мне тоже очень хорошо относилась. Так они мне давали всякие поручения, я оформляла там, помню, доску агитколлектива, там еще что-то, понимаешь...

Вобщем, ко мне очень хорошо относились... Мало того, когда университет вернулся, так...

- Но они при этом знали, что...

- Да, они знали.

- И вы в анкете писали?

- И в анкете, везде писала. Я никогда не скрывала, и в анкете везде писала. У меня вон даже анкета лежит одна. Когда я на работу поступала, в библиотеку, у меня анкета. Даже начальник отдела кадров... тогда же библиотеки подчинялись РОНО, когда я увольнялась, он мне отдал все мое личное дело вместе с моей анкетой. Представляете, вот такое отношение! Он на память мне оставил все мое личное дело... Это еще тогда реабилитации не было. Но отдал мне все мое личное дело. Оно у меня так и есть. Видите, там анкета как раз заполненная мной.

- А зачем он отдал?

- А я не знаю, зачем он отдал. Отдал. Для истории, наверное.

- А вы с окружающими потом, после войны обсуждали про репрессии?

- Обсуждали мы только вот со своими близкими, знакомыми, с детьми репрессированных. Тот, кто сам репрессированный, это мы обсуждали. Часто говорили об этом, рассказывали, делились друг с другом... А с посторонними нет, я никогда. Никто меня никогда не спрашивал, то есть, ты понимаешь, это был совсем другой мир... Люди совсем другого воспитания были. Тогда люди все-таки, очевидно, понимали, что репрессии, это все не то, что надо. И никогда меня ни о чем никто не спрашивал. Все знали, вот у нас в доме все знали, никогда никто ничего не спрашивал. Только спрашивали, что «Марксеночка, тебе надо чем-нибудь помочь? Как ты себя чувствуешь?»

Как твои дела?» Только такое я слыхала. И в школе никогда... Никогда никто меня не упрекнул, никогда никто мне ничего не говорил.

- А вы когда-нибудь сталкивались со стукачеством?

- Нет, не сталкивалась. А, нет, сталкивалась! У нас... была Районная библиотека, и были тогда районные библиотечные инспектора. И когда мы организовывали вот эту новую районную библиотеку взрослых, тогда районным инспектором библиотечным был такой... Вспомню – скажу. Он был районным библиотечным инспектором. И он приходил к нам, значит, пришел к нам проверять, как у нас идут дела. Вдруг подбегает, а я, значит, в общем зале тут что-то делаю, вдруг Любовь Захаровна подбегает и меня уводит в заднюю комнату, там в небольшую. Посиди здесь. Ну, я привыкла, я знаю, что она мне зла не сделает, значит, так надо. Спрашивать некогда. Я сижу. Потом прошло какое-то время, она, значит, выходит... Иди, можешь идти. Знаешь, приходил этот сотрудник НКВД. И я не хочу, чтобы он тебя встретил.

- Это какой год?

- это был вот 43-й год. И, если он будет появляться, ты постарайся не попадаться ему на глаза. Ну, потом он несколько раз к нам приходил, но как только он придет, я так боком-боком и ухожу, значит. А у нас там, в этой комнате, в задней, было организовано что-то вроде читального зала. То есть там мы складывали все книги, такие редкие, которые на руки выдавать нельзя. И я числилась вообще официально заведующей читальным залом. Но занималась я, сама понимаешь, всем, чем только можно. И чем не можно...

- А чем не можно?

- Ну, вобщем, то, что мне не полагается. Ну, делала все, даже дрова пилила, за дровами ездила на правый берег Невы. Ну что сделаешь? Все делать приходилось. За дровами ездили... Нам как-то РОНО дало машину, и мы на машине ездили на правый берег Невы за дровами. А дрова мы складывали рядом, у нас был сарай рядом с библиотекой, и мы по очереди ходили пилили эти дрова. Пилили, и этот Васильев приходил, нам топил печку. Да, а этот приходит... И я, значит, тихонько... А этот сидит, печку топит. И он с ним, значит, разговорился. Разговорился с ним, а потом, понимаешь, вдруг он приходит этот Константин, вот вспомнила, Константин Николаевич. Как-то приходит днем в библиотеку, и говорит, знаешь, Марксеночка, где я вчера был... Называет его, был, значит, у него. И говорит, знаешь, он меня угощал там папиросами «Казбек» и шоколадными конфетами. А папиросы «Казбек» и шоколадные конфеты давали сотрудникам НКВД в закрытом распределителе. А потом, значит, через какое-то время он его пригласил к себе, он, значит, там у него побыл в гостях, а потом через некоторое время его арестовали. Вот так вот, он вообще сам преподаватель математики. Вообще мир очень тесен. У меня послевоенная подруга была, которая училась у него в школе. И, значит, она всю эту историю знает. И с ней вместе тоже училась девочка, дочка какого-то профессора. Так он, значит, посадил этого профессора, жил он с этой дочкой, потом он эту дочку выдал за кого-то замуж, и занял их квартиру. Представляешь себе, это мне потом вот Валентина рассказывала. Занял эту квартиру. А жена его была в эвакуации, а потом вернулась жена вот в эту шикарную квартиру. Представляете себе? А эта... мать вот этой Валентины, она дружила вот с этой женой... Так что такого стукача я знаю очень хорошо. А он ходил по району, он вообще с таким дефективным... перевязанным черным глазом ходил, с портфелем, значит, ходил по району такой... Со всеми общался.

- А потом, на работе, уже после войны никогда не встречали? Ни доносительства, ни стукачества?

- Нет, не встречала. Если, может быть, и было, но меня это не касалось. Никогда, нет. Я думаю, что не было.

- А скажите, вы в партию не вступали?

- Нет, не вступала.

- Принципиально?

- Даже и не думала. Это не для меня.

- Расскажите, когда Сталин умер, что происходило?

- Значит, когда Сталин умер, честно говоря, я тоже испугалась, и переживала очень. Ну, во-первых, сообщение было, когда вот Сталин умер, что запомнилось, вот все дни траура по радио, тогда телевизора не было, по радио шла великолепная траурная музыка. Я даже не знала, сколько у нас композиторов написали всякие траурные мелодии. Я после этого никогда нигде не слыхала

их. Но это все время одна мелодия сменяла другую. Великолепные мелодии, откуда их выискали, я не знаю. А вообще, конечно, я переживала.

- Что переживали?

- Понимаете, рушится что-то устоявшееся. Рушится... Что будет дальше, мы не знаем. Был какой-то страх, что будет дальше. Но я, конечно, никуда не ездила, ничего такого... В Москве, говорят, вообще что-то ужасное было. Ну конечно, я переживала, скажу откровенно, потому что это действительно рушилось что-то такое устоявшееся, привычное. А что будет дальше, мы никто ничего не знали.

- Скажите, вот прошла уже война, вы стали взрослой, молодой женщиной, как вы для себя объясняли, что случилось с родителями.

- Я так и объясняла.

Кассета 3, сторона А

- Ну а как вы тогда объясняли, почему такое случилось?

- Чего в политике не бывает, чего в политике не бывает, да.

- Но вы же уже в это время знали, что это коснулось не только ваших родителей, и вы знали, вы уже понимали о масштабе репрессий?

- Да, я знала, что это массовые репрессии. Как раз масштаб я представляла лучше, чем кто-либо другой.

- Почему?

- А потому что я была связана с этими людьми, я знала, сколько у нас партийных работников арестовано в Ленинграде было, т.е. практически все партийные работники Ленинграда были уничтожены, вся партийная организация ленинградская была уничтожена. Никого, ни одного ведь человека не осталось.

- Но ведь вы же не могли думать, что это случайность, или вы думали, что это случайность?

- Нет, нет, нет. Я знала вообще что Сталин вообще ненавидит ленинградское... ленинградскую партийную организацию, о других городах я не знала и не думала, но я знала, что Сталин ненавидит ленинградскую партийную организацию, что чем-то они насолили ему, то есть ну грубо говоря, с Кировым в свое время, да, он боялся Кирова очень, и значит он перенес это на всех остальных,.

- А когда началось «Ленинградское дело», вы знали о нем?

- Знала, знала. У меня один очень хороший знакомый был арестован и погиб. Мне вообще еще повезло. У меня у тети был очень хороший знакомый, он когда-то жил у тетиной родственницы. Был такой Чистяков Михаил Иванович и Валя, его жена. Вот, они поженились студентами и они снимали комнату у тетиной тетки, снимали комнату. И тетя им лечила зубы. Они ходили, тетя принимала неофициально дома, вот, они и ходили к тете лечить зубы. Причем она с них, кажется, и денег не брала. Вот а потом он работал... он кончил железнодорожный институт, она кончила институт бумажной промышленности..., она была уже кандидатом наук, была зав. лабораторией, а он работал ни много ни мало начальником политотдела Октябрьской железной дороги, представляете себе. Но они к тете продолжали ездить лечить зубы, и он и Валя. И когда я там появлялась у тети, он ко мне стали очень сочувственно относиться. Мало того, они случайно узнали от тети мое день рождения, 12 октября, и вдруг оба приезжают, она с коробкой конфет, он с флаконом духов, вот решили меня поздравить. И они ко мне очень хорошо относились. Очень помогали тете, пользуясь своим положением. А потом он был, уже после войны, он был секретарем Смольнинского райкома партии, то есть не Смольнинского, Ленинского райкома партии, представляете себе. Он значит очень помог тете в свое время, Тетя, она больна была, у нее рак был, а у нее не хватало для пенсии стажа. И он устроил ее неофициально в какое-то медицинское учреждение, где она числилась, что она работает, и ей там несколько месяцев стажа приписали и все, понимаете. Он помогал мне во время войны, - он как-то мешок картошки мне он привез во время блокады. Он в начале войны был на Украине, там он угонял какой-то подвижной состав из под немцев. Потом он работал в Москве, а потом, когда здесь открыли Октябрьскую железную дорогу, его опять переставили сюда, это когда было? - в 44-м году по-моему было, он приехал сюда и вот он значит здесь был.

- Но он знал про ваших родителей?
- Знал, знал, знал. Но вот он когда о них узнал, занимая такое положение, он не боялся приезжать к тете и общаться со мной. Можете себе такое представить? Вот так вот. Вот и в 48-м году его, он был секретарем Ленинского РК, его арестовали. Его арестовали, его продержали там, но у него попался хороший очень следователь. Он там какую-то зацепку в деле нашел, что надо там еще что-то такое доследовать и он не попал под общий расстрел, понимаете. Но его выписали уже когда у него был разрыв, и он прожил всего несколько месяцев, его уже в тяжелом состоянии выписали, он прожил несколько месяцев и умер. В общем там, в общем получил он там все сполна, что надо.
- А... и вы знали, что «Ленинградское дело», да. Через его жену, да?
- Нет. Через жену нет, я вообще знала. У меня у мужа все-таки много было таких связей, знакомых. Мне муж много рассказывал, что один арестован и другой арестован. Попков, это была известная личность, его арестовали. Попков, Кузнецов и другие. Так что это я знала. Потом был, как его..., который установил у нас Московские ворота. А, ты не знаешь этой истории? Был после Попкова секретарь райкома... обкома партии. И вот, значит, решил восстановить Московские ворота. Он, откуда-то достал деньги, и восстановил... И его за это потом судили, мол что, он там растратил какую-то сумму денег на восстановление... Не Соколов, не Серов, как его фамилия? На С как-то, я сейчас не помню. И его, значит, потом судили и чуть ли не расстреляли. Потом ему подсунули там в сейф какие-то деньги, потом еще какие-то документы, Вобщем... присудили ему там кругленькое дело.
- Вы помните борьбу с космополитизмом?
- да, я это читала, конечно.
- Читали. А вас это близко не коснулось?
- Нет, не коснулось. Нет, нет, нет. Я только читала. Читала, и, конечно, не одобряла. Мы с Любовью Захаровной это не одобряли. Любовь Захаровна, она меня не боялась, и всегда говорила все, что думает. Мы с ней говорили прямо, понимаешь, обо всех делах. Потому что она понимала, что... чем это все пахнет... Дело еще в том, что мало того, что у нее брат и сестра были репрессированы, она была заведующей районной библиотеки Центрального района. И она была членом бюро райкома. А мой отчим тогда был Первым секретарем Центрального райкома партии. И она вместе с ним какое-то время работала, и она его очень хорошо знала. Понимаешь, еще поэтому. Она о нем была вообще очень хорошего мнения. Вообще она с большим сожалением о нем вспоминала всегда, и мы с ней говорили прямо. Она говорила, - не может быть, чтобы Петр Леонтьевич мог быть врагом народа. Этого быть не может, такой человек. Это ерунда.
- А как она оценивала то, что происходит в стране? Как она понимала это?
- Она прямо и обвиняла Сталина.
- Расскажите, как вы встретили XX съезд.
- XX съезд... Я вобщем-то...
- Откуда вы узнали о докладе Хрущева?
- Я узнала, я не помню, откуда я узнала...
- Это же был закрытый доклад.
- Не помню, откуда я узнала. Но я помню, как... Как же ее фамилия, которая выступала на съезде с предложением вынести Сталина из мавзолея. Как ее?
- Я ее знала хорошо.
- Вы ее знали?
- Да, я ее знала. Она была репрессирована, а потом была реабилитирована. Как ее?
- Дора Лазуркина, ей сон приснился...
- Вообще я увязала какие-то фрагменты. То ли по телевидению, то ли... не знаю, что-то я вообще не знаю... Я потом читала... А, вот что! Закрытое письмо было.
- А где вы взяли закрытое письмо?
- А, так это вообще интересно. У меня с моим соседом были такие, понимаете, натянутые отношения. Только «здравствуй и прощай», потому что он гадость был, он ужасный. Как-то раз я варила кисель, он мне в кисель соли насыпал. Понимаешь, такой был тип. Ну и вот, значит, вечером, у меня... А муж у меня член партии. Вечером в 10 часов, в 11 часов мужа нету. Я помню, приготовила обед к его приходу, я, значит, вышла на кухню, идет Леонид. «Здравствуй,

Марксеночка!» Думаю, и чего это он вдруг такой любезный? Я говорю, здрасте, Леонид... А потом через какое-то время приходит мой муж. И рассказывает вот об этом закрытом письме. А я думаю, - вот почему Леонид вдруг стал со мной такой любезный...

– А он тоже был член партии, Леонид?

– Он тоже был член партии, да. И после работы они читали вот это закрытое письмо. А потом муж пришел, и рассказал мне... Муж мне вообще все рассказывал. Он рассказывал... он же работал, ему приходилось работать в этой самой, в закрытой тематике... по защите от радиации.

– Он физик, да?

– Он химик. Тогда был такой академик Петрянов, который этим занимался в Москве, он работал вместе с академиком Петряновым. Он был помощником академика Петрянова, и всю черную работу, всю тяжелую работу они выполняли. А муж был заведующий лабораторией. Была лаборатория такая, закрытая. Здесь, у нас, в Ленинграде. Он работал заведующим лабораторией этой. Так он мне рассказывал, даже что Петрянов ему рассказывал, потому что опыты там на овцах ставили... Знаете, были там и на людях даже... опыты были, ему Петрянов все рассказывал, им надо было как-то разрабатывать средства защиты от радиации.

А самое интересное, как мой муж пострадал. Я, когда познакомилась с моим мужем, это было в 42-м году, я с ним сошлась и жила, у меня родился в 44-м сын, а я регистрировать брака не хотела.

– Почему?

– А потому что, я думала... я понимала, что ему, в конце концов, надоест, что у него карьера может не сложиться, ему в конце концов надоест, хотела чтобы у него были развязаны руки, чтобы он мог от меня всегда уйти. И я отказывалась, регистрировать брак я отказывалась. А он упорно, еще будучи в армии, еще с самого первого дня он стал везде в анкетах писать, что я его жена, и что у меня родители арестованы. То есть, того, что они расстреляны, мы не знали. Писал что у меня родители арестованы. Ну и вот, а он до войны не кончил одного курса Технологического института. Причем, он учился на кафедре боеприпасов. Кафедра пороховиков, что ли, - я не помню уже. Впрочем, у него была тема снаряжения и боеприпасов. И, значит, после войны, когда он демобилизовался, он сразу пошел в институт, и его сразу на эту кафедру - после войны посмотрели на анкетные данные, и его опять зачислили на эту кафедру. Он кончил кафедру по теме «Снаряжение и боеприпасы». А потом, он кафедру закончил, - надо на работу... А на работу его никуда не берут. Он в одно место сунулся, в другое место... Как анкету заполнит, так его никуда на работу и не берут. Впрочем, получил он свободный диплом... А он кончил институт с отличием, представляете себе? А у нас в Ленинграде организовывался новый институт научно-исследовательский, как он называется... Впрочем, новый, филиал московского института. И директор этого московского института вот ему [директору филиала] подсказал, - возьмите Никифорова. И он его взял. ... Нет, вру. Это после этого было уже. А тогда он, значит, ходил здесь по всем предприятиям, его никуда на работу не берут. Вот тогда он пошел на 77-й завод, это завод, который во время войны выпускал снаряды. А это вообще завод сельскохозяйственного машиностроения был. И они снова восстанавливали производство сельскохозяйственного машиностроения, и они организовали там это самое, как оно называется... бюро. А там был такой главный инженер, вообще всего этого завода, и фамилия у него такая – Добрин. Он посмотрел аттестат мужа, и говорит, вы знаете, я вас возьму в отдел по регистрации... По разработке сельскохозяйственных машин. И послал мужа на трехмесячные курсы в Москву, И он, там, правда, недолго проработал, а потом он его сделал по подготовке новых кадров... отдела, как это называется. Ну и вот. Муж, работая, стал готовиться, хотел поступить в аспирантуру. Стал готовиться, значит, в аспирантуру, он вечерами дома у меня, 15 метров комната, трое детей, представляете, а он после работы, там значит, занимался... Подготовился, сдал экзамены в аспирантуру, в технологический институт...

– это какой уже год был?

– Это был... Какой уже год?.. Дай бог не соврать... это был уже, наверное, 51-й год был... ну и вот, представляешь, поступил. На кафедру-то его зачислили, боеприпасов, а темы ему не дают, потому что тематика-то вся закрытая - секретная. Стипендию ему платят, там 700 рублей тогда аспиранты получали. Он там еще где-то что-то подрабатывает. Темы ему не дают, прошло несколько месяцев, а там был очень хороший начальник первого отдела. Александр... как не

помню его фамилия... Он как-то очень хорошо отнесся, доброжелательно к моему мужу, а муж хотел уже уйти, а тот говорит, подожди, подожди, что-нибудь придумаем. Начальник первого отдела, ты можешь себе представить? Потом в конце концов он его вызывает, и говорит, ты знаешь что, - тут вот на кафедру лако-красок пришла тема такая, из НКВД. А тогда пожарная охрана находилась в ведении НКВД. Разработка самовозгорания растительных масел. Никто за эту тему не берется, потому что половина химии, половина физики, понимаете? Никто за эту тему не берется. Вот если возьмешься, то я тебя определю на кафедру лаков и красок, и ты там будешь работать. Мужу пришлось согласиться. Потом он сделал диссертацию, защитил блестяще. Защитить-то он защитил, а на работу его никуда не берут. Тогда этот самый вот директор-то этого московского института его рекомендовал в новый этот организованный институт, но институт смог его взять, но только младшим научным сотрудником. Практически он исполнял обязанности заведующего лабораторией, а числился он младшим научным сотрудником. Пока вот не реабилитировали моих родителей. Не успели реабилитировать моих родителей, он [директор] его сделал начальником лаборатории.

– XX съезд... Для вас это все новое было, то, что вы узнали?

– Нет.

– То есть, ничего нового?

– Нет, ничего нового не узнала.

– А изменилось реально что-то? Что-нибудь сильно изменилось после XX съезда?

– Ну, изменилось отношение изменилось. И потом свое отношение ко всему тоже изменилось. И я себя стала чувствовать вообще поуверенней. Знаешь, как я ходила..., я на работу не могла устроиться... это когда же было?.. Не дай бог соврать, не буду врать. Короче говоря, когда я в 54-м году я родила сына, последнего, значит, я какое-то время я не работала. А потом мне надо устроиться на работу. Я ходила 6 месяцев искать работу. В одно учреждение я иду, заполняю анкету, в другое учреждение я иду получить ответ. Мне отказывают. Только я пишу, что у меня родители арестованные, мне отказывают. Я иду в следующее. Я ходила так 6 месяцев, каждый день как на работу. Я где только не была, ты себе представить не можешь. Можешь себе представить? Так встречает меня как-то на улице Любовь Захаровна, тогда уже снова открыли детскую библиотеку, она была заведующей детской библиотекой. Я встречаю на улице Любовь Захаровну. Марксена, как твои дела? Я говорю, да вот хожу, никак на работу не могу устроиться. А ты пошла бы работать в районную библиотеку, то есть в школьную библиотеку? Да я куда угодно пойду, хоть уборщицей, понимаешь. Да, я тогда еще что, я никуда на работу устроиться не могла, я пошла работать на завод, шлифовщицей. У меня трудовая книжка выдана как шлифовщица третьего разряда. Потому что надо же, у меня вот трое детей, надо же их кормить чем-то. Муж тоже тогда еще в аспирантуре учился. А она говорит, знаешь что, давай, у нас увольняется по болезни тут один библиотекарь, я тебя устрою в школьную библиотеку. Вот. И она, значит, меня устроила работать в школьную библиотеку. Эта школа была рядом с технологическим институтом на Московском. Там, школа была общеобразовательная, десятилетка, и кроме того, там была вспомогательная школа для умственно отсталых детей. Так она меня взяла, устроила, добилась, чтобы мне дали еще и полставки в школе умственно отсталых детей. Полторы ставки получала. Так она мне еще раз помогла. Представляешь себе?

– А скажите, когда вы узнали, что родители расстреляны?

– Когда получила я справки о реабилитации.

– Это когда было?

– Это было в 57-м году.

– А до этого вы не искали?

– Мало того, я справку получала вот в НКВД тогда, в КГБ или НКВД тогда еще было. Это вход с Литейного, там, где приемная теперь, а раньше я там же несколько раз была... Я, мало того, я каждый год я писала в Управление лагерей, я писала запрос. «Прошу сообщить мне о судьбе моих родителей». Каждый год. Я не боялась... Меня вызывает НКВД. Причем в приемной с Литейного сейчас, когда поднимаешься... там площадка, и потом вход, вот большая приемная. А тогда этой приемной не было. Площадка, на площадке стоял деревянный такой, на железных дорогах диванчик, и дверь была, небольшая дверь и кабинет небольшой. Вызывали меня туда, и, значит,

сотрудник говорит, писали нам? Писала. Ваши родители находятся в концлагере - десять лет без права переписки. Больше я вам ничего сообщить не могу. Вот так в течение 10 лет мне отвечали.

– А в 57-м вы снова написали?

– Да, а в 57-м я снова я написала запрос, меня вызвали, я уже с приемной заходила, вот, зашла опять в этот кабинет, и он мне вручил вот эти свидетельства о реабилитации. Я когда прочитала... я ведь до последнего момента надеялась, что, может быть, хоть кто-то из них жив, понимаешь, вот такое чувство было... До последнего... Я когда дела прочитала, я онемела. Представляешь себе? Оба, оба расстреляны. Это было вообще, шок для меня был, конечно, ужасный. Вот. Конечно, человек, я выдержу, конечно, не померла, но шок для меня был ужасный. Я только вот тут впервые я поняла, понимаешь. А до этого, помню, когда вот нас выселили из квартиры-то, братьев когда взяли в детский дом, я осталась одна... я вот так вот сижу вот против двери, и думаю, щас откроется дверь и войдет мама. Вот щас откроется дверь и войдет мама. Представляешь, мне тринадцать лет было тогда... Я ждала каждую минуту я ее ждала, что она вернется, потому что это недоразумение, этого не может быть, чтобы моя мама в чем-то была виновата. Она вернется, понимаешь... Все время была какая-то надежда жива. Мало того, значит, когда их арестовали, значит, разрешали передавать передачу. Там сколько-то 30 или 50 рублей, я не помню. Причем, принимали передачи эти, принимали деньги. С улицы Воинова. Очередь была чуть ли не на всю улицу. Очередь занимали с вечера еще. Так мы, значит, с Милей... Миля приходила, занимала очередь с вечера, потом утром приходила я - ее меняла, и уже деньги передавала я. И там маленькая такая комнатка была, и, значит, плоское окошко такое, точно прилавок, и, подходишь, называешь фамилию. Он листает, значит, книгу, принимает деньги, дает квитанцию. Это первый раз. Второй раз я пришла, подошла к окошку, он листает книгу и говорит: я у вас сегодня деньги не приму. Я говорю, почему? А он говорит, потому что следствие окончено, они высланы в лагерь. Без права переписки. Все, что я получила. Никаких же документов, ничего мне просто не сказали. А потом я каждый год писала. Просто писала каждый год... Я знаю, вот люди, иногда встречаю, что они боялись, фотокарточки уничтожали даже. Я ничего не боялась. Понимаете, я вот каждый год писала в управление концлагерей, значит, прошу сообщить о судьбе моих родителей, вот таких-то, таких-то, арестованных тогда-то. И меня вызывали, причем не письменно отвечали, вызывали меня вот в НКВД повесткой. И мне устно сообщали, документов мне никаких не давали, устно сообщали, что мои родители высланы без права переписки.

– Скажите, а вот в 57-м году, когда вам дали справку о реабилитации, там же не было написано, что они расстреляны?

– Нет было написано, что посмертно реабилитированы.

В 57-м году давали справку, в которой написано, что арестован тогда-то, приговорены. Это Карпицкая Анна Яковлевна... реабилитирована посмертно. Да, и выдали тогда нам вот такие свидетельства о смерти в 1989 - мама, причина смерти – инфаркт миокарда, а она расстреляна в 37-м году. А вот это то, что я вот получила.

И Низовцев Петр Леонтьевич, - 23-го января 42-го. Инфаркт Миокарда.

– А когда вы узнали о расстреле?

– Это уже 89-й. Я запрашивала, я тогда запросила, и мне дали вот такой ответ.

- А вашего родного отца не арестовывали?

– Моего отца тоже арестовали. Он работал первым секретарем райкома партии, а его жена работала здесь, в гибхе, она химик. И она с ним туда [в Новосибирск] ехать не хотела. Они только встречались, он сюда в отпуск приезжал, она туда в отпуск уезжала. У них такие были, странные отношения. Ну и вот, и ее здесь в 37-м году арестовали. У нее дочка была уже, Лена, - забрала к себе бабушка. Она жила тогда на Кавказе. Забрала бабушка к себе. А папа, он вообще человек очень общительный, он с детства такой, у него много друзей, широкая натура. Какой-то его приятель ему подсказал, что Эйхе, тогда Эйхи был начальник НКВД, подписал приказ о твоём аресте. Он [папа], значит, попросил, у него там был лесник, ему преданный. Он попросил, значит, его запрячь лошадь, он машину не взял свою, значит, запрячь лошадь, и отвезти его в Новосибирск. Там спрятался у своих друзей. А через какое-то время Эйхе был арестован. И он [папа] написал заявление, что вот враг народа Эйхе подписал приказ о его аресте. Но его в партии его не восстановили...

– Его исключили из партии?

– Да, его исключили из партии, сразу же, как был подписан приказ об аресте, его сразу исключили из партии. Он кончил исторический факультет Ленинградского университета, историю ему преподавать не разрешили, и, значит, тоже там были ограничения, он вообще человек очень умный и способный, он стал преподавать математику в школе. И там он сошелся с директором школы, значит, его жена погибла в лагере вскоре, у нее было как-то заболевание... А дочка у него в Кисловодске у бабушки, а он там в Новосибирске он сошелся с директором школы. Он на ней женился, и они, значит, жили. Он преподавал математику, потом он закончил аспирантуру, и работал ректором какого-то там института в Новосибирске. И в 48-м году его арестовали. Его арестовали и прислали его в Москву. И он в Москве с 48-го по 53-й год в тюрьме находился. Причем, как правило, он был в двухместном... Его там допрашивали, там и карцер был, и условия были... , он оттуда вышел тяжело больным. У него и грыжа такая, и ноги больные. Это потому, что его и в воде в холодной держали, карцер такой, знаете, холодный... он рассказывал, - ужасно. Но как правило, кого-то к нему подсаживали, всегда он с кем-то сидел. И какой-то с ним сидел один человек, причем следователь даже не стесняясь этому второму заключенному, развернул план какого-то учреждения, и показал, сказал, вот вы должны сказать, что вы поднимались по этой лестнице, - его инструктировал, что он должен показать на следствии... Потом, к нему посадили одного бывшего нашего разведчика. Он работал у царя Михая. И, значит, его вызвали в Москву, и в Москве его арестовали. Причем, очень способный, очень талантливый человек, потом, когда его реабилитировали, он работал где-то на юге, папа рассказывал, - секретарем райкома партии. Но самое интересное, что к нему в 53-м году посадили какого-то человека. Тот ходит по камере: «Иосиф же умрет, Иосиф же умрет... Как так можно было сделать? Иосиф же умрет...» Папа не может понять, в чем дело, что случилось. Оказывается, это профессор Виноградов. Он сидел с профессором Виноградовым, и с профессором Абрикосовым потом он тоже сидел. Профессор Абрикосов, когда его реабилитировали, он написал потом, показания, как его, допрашивали. И, значит, оказывается, этот профессор Виноградов рассказал, что арестовали всех врачей, а у него была разработана методика лечения, Сталина лечение, значит вот если пропустим там один сеанс, или еще что-то, то он погибнет. Вот, ну так оно и случилось.

– А вы с отцом поддерживали все время отношения?

– Нет, я с ним только в 39-м году встречалась... В 39-м году моя тетя решила меня свозить на Кавказ. Вообще такая очень хорошая у тетки семья была. Мать вот этой Веры, с которой сошелся папа, от которой он ушел, это были три сестры. Была, значит, Вера, Нюся и третья, как ее... Ну, и не важно. И, значит, Нюся училась вместе с мамой в университете. И эти три сестры... Нюся училась на историческом факультете, Вера училась в технологическом институте, и Нина училась тоже в технологическом институте. И эти все три сестры жили в общежитии. А у нас все-таки была квартира, вот когда мы под Смольным жили. Мама тогда еще с папой жила. И вот, значит, эти сестры приходили всегда к нам, и выходные дни у нас проводили... И, значит, они предложили моим родителям поехать на Кавказ. Тогда это было, значит, просто и дешево. И эти бедные студенты поехали на Кавказ. Вот, там взяли с собой маленькие чемоданы смену белья, и поехали путешествовать. Родители Веры жили в Новороссийске. Они сначала приехали в Новороссийск, остановились у родителей, потом поехали по Кавказу, они были в Крыму, там в Дюрсо. И рассказывали, как путешествовали. И вот папа там и столкнулся с этой самой, с Верой. А вот Нюся и вот мать Верина были, вообще мать исключительный была человек, настоящая такая вот русская женщина была. Она была, значит, вот очень против того, что папа ушел к Вере. Мало того, когда у меня родителей арестовали, она мне все годы до войны, каждый год мне ко дню рождения посылала посылку с фруктами. Она очень жалела...

– А как она узнала? Как она узнала, что родители арестованы?

– Она узнала... Потому что связь была все время. Наверное тетя написала, я уже не помню. Но связь какая-то все время была. Потому что это родственники, понимаешь, в конце концов папа женат на Вере, а тетя... Это очевидно, тетя написала. А раньше еще, и она была, и Нюся была, и они все очень поддерживали маму, и помогали маме, и очень возмущались, что папа ушел, значит, с Верой, и даже с Верой они как-то прекратили отношения. А когда вот Веру-то арестовали, а к этому времени бабушка уже переехала в Кисловодск. Она забрала внучку, та как раз кончила 10 классов, Лену, она забрала ее к себе.

Так вот, в 39-м году Нюся написала тете, говорит, знаешь что, привози Марксену к нам, на юг. Все таки на юге там вот погрееется немножко. И мы решили все втроем, дядя, тетя и я поехать на юг. А Нюся говорит, что у меня есть очень хорошее место, где можно очень хорошо отдохнуть. Мы приехали в Новороссийск, приехала туда Нюся, и она нас уговорила поехать, есть такой Дзука. Не знаешь? Там, не доезжая Сочи есть Дзука, там вообще великолепно, везде море же каменистое. А это единственное место, где закрытая бухта, и чистый песок. Мы там в сильное волнение ныряли под волны. И мы там в Дзуке в этой жили. Там сняли мы комнату, и туда к нам приехал папа, причем видно, ему кто-то написал, или Нюся, или не знаю кто... Он взял отпуск и приехал к нам туда в Дзуку. Потом у тети с дядей отпуск кончился, они, значит, уехали, а отец попросил, чтобы меня оставили. И мы с ним еще путешествовали там по Кавказу, мы с ним вместе путешествовали. А потом мы с ним вместе приехали в Ленинград, тут попросил, он уговаривал меня, чтобы я поехала к нему, но я отказалась ехать, я сказала, что я приеду на каникулы. И вот, в 39-м году, как раз мне исполнилось, паспорт я получила, я поехала к нему на каникулы, но мне там не понравилось. Обстановка, и там его жена, и вообще, понимаешь. Чужое место, чего я там полезу в чужую семью. Я отказалась, он даже на меня обиделся, что я отказалась к нему приехать. Но я сказала, что в Ленинграде здесь у меня свой угол, своя комната, тетя, которую я знаю, а здесь мне все чужое, я не поеду.

– Но вы знали, что его в 37 году исключили из партии?

– Это уже, это он мне уже рассказывал, когда я у него была. А что в 48-м году его арестовали, это мне уже рассказала Нюся. Нюся, сестра его жены, Веры. А Нюся кончила здесь, значит, исторический факультет, уехала на Кавказ. А в 39-м году она работала заведующей кафедрой истории в этом самом, Чеченском, как его... в Грозненском Университете, на кафедре. Представляешь себе? А когда отца арестовали, Лена как раз окончила 10 классов, дочка. И бабушка ее привезла, и Нюся ее взяла к себе. Она поступила в Грозненский университет. Лена кончила Грозненский университет, кафедру математики. И после окончания университета ее послали в какой-то горный аул преподавать. Лена совсем не умеет себя держать, в институт она может пойти в тренировочных штанах, голову она никогда не причесывает, как следовало. А у нее, знаешь, было ... но она еще держалась, а потом, когда ее послали, работать, в горы, в аул, она там уже совсем уже проявила признаки помешательства. И бабушка ее взяла к себе, в Кисловодск, там она уходила из дома, она пропадала по нескольку суток, на работу ее устроить не могли. А хорошего психиатра в Кисловодске не было. И она там без лечения находилась вот до реабилитации папы. А папа, когда Стали умер в 53-м году, его быстренько собрали и отправили в Ухту.

– Почему? Почему в Ухту?

– Да я не знаю, почему в Ухту его отправили. На поселение. Его, значит, тогда не присудили ему лагерь, потому что это 53-й год уже был, после смерти Сталина. Его, значит, отправили из Москвы, из тюрьмы. Причем его в поезде, там он сидел вдвоем с одним уголовником, с одним преступником и еще с одним политическим. Так тот уголовник стал требовать у того, чтоб тот отдал ему одежду. Тот, значит, не стал отдавать. Он его убил. Он тогда стал у папы требовать. Папа все с себя снял и отдал ему. Он отдал ему свои ватные штаны и шинель, даже не осталось ни шапки, ни шарфа. А в Ухте во время в мороз, он, значит, вышел там, знаешь, как это – иди в милицию, регистрируйся. Он туда пришел, и ему сказали там, что в Ухте много уже было этих самых высланных... И там эти высланные нашли ему шапку, нашли ему шарф. Он работал на каком-то предприятии, а потом ему все-таки разрешили преподавать вот математику в школе. Там их два таких было, преподавателей репрессированных, которым разрешили преподавать.

И вдруг, как-то вечером говорят, - что всем остаться, после, значит, уроков, а вы [папа и второй ссыльный учитель] можете идти домой. Они пошли, - мало ли, что они там собираются, это их не касается. Они пошли домой, вдруг за ними бегут посланные, идите скорее, вас вызывает директор школы. Они не могут понять, в чем дело. Приходят, входят в зал, и вдруг все учителя встают. Директор встает, и приглашает их в президиум. Оказывается, читали закрытое письмо. Папа там еще какое-то время был, а потом он потерял зрение, и ему разрешили по медицинским показаниям разрешили ему уехать. Он приехал, жил у тети какое-то время, потом получил реабилитацию.

– Но вы все время с ним переписывались? Вы ему в Ухту писали?

– В Ухту – нет, в Ухту я не писала. Я не писала, потому что я не знала. Нина сказала - его выслали в Ухту. А мы ищем Ухту здесь, у нас, у нас же здесь есть Ухта. А оказывается, Ухта – это Коми АССР. А тетя ищет здесь Ухту, иначе тетя бы написала ему. А потом он уже сам как-то объявился, я уже щас не помню.

– Но то, что он был под следствием, что он был в тюрьме, это вы все время знали?

– Да. А потом, когда он приехал, он все сам рассказал. Как он с кем он сидел, он все рассказал. Но здесь он женился потом, - встретил свою старую приятельницу, с которой вместе работал когда-то. Женился, получил двухкомнатную квартиру, она умерла вскоре от рака, а он потом... Он женился потом еще один раз, ну, на своей домработнице, чтобы она за ним ухаживала, вобщем, он пять раз женился... До восьмидесяти лет прожил. Никаких особенно теплых отношений у нас никогда не было, нормально так общались, встречались.

Вот это еще интересно - это записка Розенблюма, Вот мне от него письмо. Уважаемая Марксена Михайловна. 56-й год. Вчера получил Ваше письмо. Сегодня по этому поводу говорил с военной прокуратурой военного округа. Договорился о том, что Вы относительно матери подадите заявление в военную прокуратуру Ленинградского военного округа и передадите это заявление лично зам. пом. военного прокурора подполковнику юстиции товарищу Разумову. Сошлитесь на разговор с Розенблюмом, со мной. Он уже с делом матери сталкивался, и сможет Вам дать нужные указания и сдвинуть вопрос о полной реабилитации. Что касается Вашего отчима, то подробности о нем, которые мне известны, я смогу передать только в личном разговоре.